НАТАЛЬЯ ЮРАЙ

18+

Васильковый венок для разбойничьей дочки

Наталья Юрай

Васильковый венок для разбойничьей дочки

«Автор»
2026

Юрай Н.

Васильковый венок для разбойничьей дочки / Н. Юрай — «Автор», 2026

Дуня выросла с отцом - разбойником. Ее удел – быть приманкой для богатых проезжих. Потихоньку скапливается приданое девушки, которое сулит ей хорошего мужа. Да и пожилой жених потирает руки в предвкушении.Вот только сердце свое отдала красавица молодцу, с которым перемолвилась всего парой словечек. И взгляд его голубых глаз теперь Дуняше никогда не забыть, как и васильковый венок, что плела она на лугу солнечным днем.Вынужденный брак, разбитое сердце и угасшая надежда – кажется, что такая судьба уготована девушке, но история, как дерзкий ручеек, крутым изгибом сюжета еще удивит читателя.От автора: История пишется в режиме онлайн. К сведению читателей, задающихся вопросом, почему 18+ Подобный дисклеймер означает употребление спиртных напитков, курение, и сцены убийств и многое другое, что предусмотрено законом о возрастной маркировке

© Юрай Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I 5
Глава 1. Волчий ручей 6
Глава 2. Жених 9
Глава 3. Метка 13
Глава 4. Яблоко 17
Глава 5. Тайна 21
Глава 6. Виновница 25
Глава 7. Ядвига 29
Часть II 32
Глава 1. Царевна 33
Глава 2. Мужнина жена 36
Глава 3. Неволя 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Наталья Юрай
Васильковый венок для разбойничьей дочки

Часть I

Я плела венок, на ручей не оглядывалась,
К васильку василёк никак не привязывался.
Опустила руки в струи, омыла веки,
Подняла вверх глаза и пропала навеки.
- Почему одна, раскрасавца?
Не бошься шальному парню понравиться?
Испугалась меня? Дай-ка мне венок!
На лету поймал, завязал узелок.
С берега на берег перепрыгнул легко.
Запах луга пряный принес ветерок.
Красная рубаха, шелковый кушак.
Может, убежала бы, коли б знала как.

Глава 1. Волчий ручей

С утра припекало знатно, одни только кузнечики и стрекотали, предвещая небывалую жару. Высоко в небе распластал крылья зоркий орел, высматривающий легкую добычу – зайчишек да перепелок. Мелкая речушка, перекатывающаяся по камушкам серебристыми всплесками, звалась Волчьим ручьем. Не раз видели люди, как приходили сюда на водопой серые звери, потому и остерегались подолгу задерживаться у прохладной воды – зачерпнут, напьются и прочь идут. Речка, что даже в сильное пекло не высыхала до конца, делила луг на две половины, а потом бежала к дороге, но у самой ее кромки делала петлю и ныряла в глубокий овраг.

По дороге в сторону деревни Косогорово ехал всадник, которого рассмотреть как следует Дуня пока не могла - солнышко слепило. В рощице закричала сорока, и девушка вздрогнула, обреченно вздохнула. Да и без того понятно: простой крестьянин пешком ходит, коня в страду да в жару гонять не станет - все лошади на покосе. Успеть нужно до дождей сено заготовить. Стало быть, путник - человек торговый, по указу господскому али сам себе господин, коли сорока затрещала.

Крепко зажмурившись, Дуня заставила себя встать. Перекинув толстую пшеничную косу на грудь, она сладко потянулась, нагнулась к речушке и зачерпнула холодной воды. Сделала глоток из ладошки, ничуть не стесняясь, обмыла лицо и шею. Не поворачивая лица, уже знала - путник увидал одинокую девицу посреди луга.

Усевшись в высокую траву спиной к речушке и сложив на коленях охапку полевых цветов, девушка долго не могла унять дрожь в руках, но ее любимые васильки утешали нежными касаниями лепестков, успокаивали. Цветики эти напоминали Дуняше небесную высь, в которую ее так хотелось взмыть и лететь, лететь в дальние края, чтобы никто не ухватил, не остановил, не нашел.

Когда-то матушка приговаривала, что коли парень наденет на голову девушке васильковый венок, то сделается у них полна изба детишками, сундуки - достатком, амбары - зерном, а сами они любить будут другу друга крепко, до самой смерти.

А дядька Терентий Молот, который, как сказывал отец, был когда-то кузнецом, баял что размятые в кашу васильки и рану заживят, и жар сгонят. Но этому битюгу, что огуливал каждую пригожую девицу в округе, никто не верил, а вот Дуня слушала внимательно и запоминала.

Задумавшись о своем, сплетая цветок к цветку в дугу, девушка вздрогнула, когда мужской голос громко спросил:

— Ты чего же одна, раскрасавица? Вдруг люди шальные уведут, али волки в чащобу утащат?

Дуняша встала, неловко опрокинула лукошко с земляникой, что собрала поутру, отряхнула сарафан рукой, в другой крепко зажала не связанный еще в кольцо венок.

— А ты мимо ступай и меня не цепляй! Ишь репей выискался! – девушка не могла отвести глаз от крупных красных ягод, кровяными каплями расплескавшихся в траве. Отчего же он не видит дурной приметы, отчего не уходит? Ведь она гонит его, гонит прочь!

— Ух ты, жгучая, что крапива!

Они стояли друг напротив друга на разных берегах Волчьего ручья, и Дуня всё никак не могла рассмотреть путника, прикрыла лицо рукавом от солнца.

— Ступай же! Ступай прочь! – шептала она, но прохожий человек не слышал.

Сорока примолкла – выжидала.

— Давай венок завяжу, у меня и бечева припасена. Так крепче будет!

Не успев дать ответ, Дуняша ахнула: незнакомец легко перепрыгнул через речушку и оказался рядом. Теперь она смогла разглядеть его и едва не задохнулась от горячего ветра, невесть откуда налетевшего и принесшего с собою пряный запах скошенной травы.

Высокий ладный путник красовался дорогой рубахой крашеного льна, красной, как земляника, как кровь, как неминучая беда. Шелковый кушак, стоивший немалых денег, скосился на один бок под тяжестью кожаного кошеля. Конь, которого оставил всадник непривязанным, лоснился тугими боками да позвякивал наборной уздечкой, общипывая верхушки сочного лугового разнотравья. Богатый прохожий, что и говорить, сорока свое дело знала. — Дай-ка венок! — смеясь, снова попросил незнакомец, и Дуняша, не ведая, зачем, кинула ему васильковую дугу в руки.

Он ловко поймал, свел вместе концы и крепко связал бечевой.

— Эвон ягоды рассыпала. Не жалко? Ягодиночки-то одна к одной, что бусы. Дашь отведать? - голос путника, перекатывающийся как камушки в кулачке, не давал Дуняше глубоко вздохнуть.

Однажды во сне ей приснился именно он, вот такой, с голубыми как васильки очами, с кудреватой головой, крепкий, как гриб-боровик, сильный, ласковый.

Девушка присела от испуга и нежелания снова глядеть в глаза, так зорко всматривающихся в самую душу, принялась собирать рассыпанные ягоды в ладонь, но незнакомец вдруг подхватил ее под локоть и поднял.

— Ты чего же всё молчишь? - улыбнулся он и надел на девичью голову венок.

вот оно и сбылось - матушкино предсказание! Такого бы ей мужа. Любила бы до последней жилочки, всего, тешила бы, себя позабывши. - Бают, нет жёнок слаще молчаливых, а? Ой, боюсь, полюблю того и гляди. Будешь мне суженой? – путник тихо засмеялся и выхватив из ладошки, бросил в рот три ягоды.

Дуня приложила ладошки к щеке, сок раздавленной земляники капнул на губы. Как прогнать его? Как спасти вызволить из западни?

Голубоглазый молодец придвинулся ближе, обдал дыханием ягодным:

- К родне в Дальние Столбы еду. Гляди, перекину через седло и увезу с собой! — говорил сердечно, не врал, Дуняше ли не знать.

Громко застрекотала сорока. Девушка кинула взгляд за спину путника и задрожала. Подняла лицо к солнцу, зажмурилась.

— Не бойся меня, краса ненаглядная, - шептал он и, нежно взявши за плечи, привлек к себе. — Такой еще не видывал, сколь не искал.

— Беги! – беззвучно крикнула Дуня, но незнакомец не слышал её.

Отец крался неслышно, подняв вверх кулак – знак давал, и Дуняша решилась: прижалась губами к губам. Никого она до сего дня не целовала, не миловала, не прижималась вот так – без стыда, честь забыв. Вырастали крылья за спиной, и взлететь бы, да кто ж отпустит.

Путник целовал ее нежно, оглаживая лицо, и Дуня отдавалась ласке безоглядно. Пусть ему будет сладко в остатний миг. Не горько, не обидно от обмана. Чтобы не чуял кинжала, приправила смерть своей любовью

Вот и вострый ножик ударил со спины, пробил сильное тело. Дуняша ахнула, качнулась, сама застонала от сердечной боли, словно и ее убил старый разбойник. И ее лишил любви и света. Теплого солнечного света, отражавшегося в потухающих голубых глазах.

Горячие капли крови, выскакивающие из удивленно раскрывшегося рта, оседали на рубахе, и Дуня кожей чувствовал, как раскаленными угольями жгли они ее кожу.

— Чего столбом встала? – рявкнул отец, срезающий с пояса мертвеца кошель. — Шибче, Евдоха, шибче! Сапоги стягивай! Ну! – разбойник вытер нож о рубашку упавшего в траву мужчины и, вложив в рот два пальца, оглушающе свистнул. — Чего мнешься, кушак забирай! Тетеря! Беда с тобой!

— Беда со мной, - неслышно, одними губами повторила Дуняша, развязывая тугой шелковый узел. Беда Что ж ты не ушел, василёчек ты мой лазоревый, что же не убежал?

Из березняка выскочили два разбойника, сняли с коня седельную суму и кинули атаману.

— Жеребца порежьте на мясо, - кинул тот через плечо. - Что продайте, а что ватаге раздайте, тут ваша воля. А мы в Косогорово. Шкуру снимите с коня - и в топь киньте, чтобы никто не увидал! Слыхали, аль нет? Шкуру в топь! Тавро приметное. Слыхали? Коли углядит кто – и с вас шкуру спущу!

— Не надо! – воскликнула Дуняша и заступила дорогу отцовским подельникам. — Не режьте коника!

— Да ты белены объелась! – грубо оттолкнул ее отец, но вдруг хмыкнул: - А ведь права дура-то наша! Сведите к Маланьиной развилке, там нонче лошадей торговали в княжье войско. Люди сказывали, два дня побудут и стронутся в путь. Берите серебром, да мне потом доложите. А ты, - он развернулся к дочери, – науку забыла? Ну, ничего, я тебя еще поучу! Будешь знать, как перечить!

— Как скажешь, тятя, - Дуня привычно склонила голову и, не помня себя от навалившейся усталости, поплелась за отцом, широко шагающим к рощице. Там, крепко привязанная к березе, с замотанной мордой, стояла кобыла, запряженная в телегу. Под ворох сена разбойник сунул добычу, грубо ткнул дочь в спину, чтобы забиралась.

Усевшись сам, прикрикнул ласково на кобылку:

— Ну, трогай, касатушка, трогай!

— Тятечка, а как же человек?

— Терентий Молот приберет опосля. Его повинность, да он, вишь-ка у вдовы своей припозднился. Кобель!

Лошадь зарысила послушно, а отец стал копошиться в седельной сумке путника.

- Глянь, Евдоха! Никак скатный жемчуг?! Вот так рыбку поймали нынче! Будешь у меня с приданым! Экая добыча нынче! Все в руку! Все в руку, Дунька! По осени отдам тебя взамуж, как есть отдам! Эх, милая, касатка ты моя, шибче беги! Еще пару разочков приманишь купчишек, да и справим тебе славное приданое!

Отец причмокнул губами и щелкнул вожжами по лошадиной спине, Трясясь на ухабах, телега увозила Дуняшу и от Волчьей речки, и от луга, и от того, кого она теперь никогда забыть не сможет.

***

Дальний от деревни хутор атаман присмотрел уже давно. Старые хозяева держали пасеку, но он мед не жаловал и борти пожег, а пчел смолой кипящей залил. Выставил себя Антипка Алтынник перед деревенским сходом Антипом Моховиковым сыном Степановым. И дочь кланяться людям заставил. Вот, мол, люди добрые, дочерь моя, Евдокия Антиповна, девица на выданье. Росла в строгости да в скромности.

К хуторскому поселенцу через время стали нахаживать сватьи да мужики из зажиточных – девка уж больно хороша была, заглядывались на нее парни. Да вот только Антип Степанович всем от ворот поворот давал, а кого и в спину грязными словами поносил.

Община пожаловалась старосте, а тот строго наказал Антипу, коль хочет жить у Косогорово и не тужить, так деревенский люд уважать должен. Моховиков притих, но дочку более в деревню не отпускал, держал подле себя.

Хутор задним двором выходил на речную запруду, а с дороги был прикрыт небольшим сосновым леском, в котором Дуняша собирала ягоды да травки духмяные. С дороги дома было не разглядеть, что Алтыннику было на руку – его лихие ребятишки чужих взглядов не любили.

Глава 2. Жених

Грудь давило от невыплаканных слёз. Дуня открыла глаза: ночь уже переходила в утро, а сон окончательно пропал. Сегодня обещался вернуться старший брат Евсеюшка, единственная отрада после матушкиной смерти. Добрый дружочек, надёжа.

Тяжело вздохнув, девушка поднялась с постели и, чтобы не разбудить похрапывающего отца, вышла на улицу. Венок из васильков, что спрятала она в поленнице, повял, обвисли голубые лепестки. Вот так и жизнь ее завянет в чужом доме.

Атаман разбойничьей ватаги Антип Алтынник прозвище свое получил не зря. За алтын и сам удавится и другого удавит. Частенько говорил он про дочку: «Что с нее взять? Частый гребень, веник да алтын денег». Мол, нет ничего за душой у девки. Кто ее такую сватать станет? Чем старше становилась Дуня, тем чаще звучала отцовская приговорка.

В Косогорово обосновались они неспроста. Отец старел и дряхлел, вот и пожелал атамановы шапку да плетку отдать сыну, дочери же прочил в мужья крепкого мужика. Сам же Антип Степанович решил коротать свой век при своем дворе, в своем доме.

Братец сказывал, что в мужья Евдокии присмотрел Алтынник поначалу двух женихов. Один, молодой вдовец, оставшийся после смерти жены с четырьмя детьми, и с лица был хорош, и силушкой не обижен, и мошна тугая - мельница доход приносила хороший. И быть бы Дуне мельничихой, да от безродной девицы жених нос поворотил, с Антипом побранился.

Второй пугал девушку пуще мельника - старый, брюзглый, дышит что мехами кузнечными ворочает. И глаза его злые ни радости, ни мира молодой жене не сулили. Отец показал ей дородного купца в городе. По его словам, имел Сила Иванович не только лавки да полны амбары товару, а и уважение всех окрестных торговых людей.

— Чего не спишь, Дунюшка? – Терентий Молот выходил из сарая, обтирая руки о рубаху.

Могучий подручный атамана девушку не пугал никогда, бывало и от отца защищал, и охальникам носы ломал.

— А ты, дядька, чего же не спишь?

— Дело справил.

Дуня задохнулась, вспомнив, про какое дело говорит Молот. А тот улыбнулся и покачал головой.

— Чего пригорюнилась? Жалко парня-то?

— Жалко. Пригожий.

— Эх, Дунюшка, с лица водицы не пить. Слыхал, Алтынник уже сундук золота тебе в приданое собрал.

— Сказывал, еще выйти нужно на дорогу, - тоскливо ответила Дуня. - Мочи нет, дядька Терентий! Как матушка преставилась, так и не живу - будто сон страшный каждый день вижу. Тошно мне, горько.

— Потерпи чуток. Пойдешь замуж и сама себе хозяйкой станешь. Мужней женой.

— Вот бы, дядечка. Вот бы поскорее! Опостылело мне придорожной промышлять и людей губить. И на моих руках кровь, хоть не режу ножиком. Опостылело!

— На-ко пряничек, Дуняша! - не видела девушка откуда вытащил Молот угощение. - Не думай, что было, оно быльем поросло, думай о том, что навстречу идёт.

— Благодарствую, - Дуня шутливо поклонилась. Давно она выросла, а Молот все ее пряничками потчует.

Заря посветлела, начинался новый день, хлопот у хозяйки на него припасено - целый воз.

***

— Ступай-ступай! - старая женщина, согбенная что старый карагач, замахнулась клюкой на черного кота. - Всю муку мыши попортили, а ты на печи лежишь! Ишь, морду отъел! Ни крошечки не дам, не проси боле!

Продолжая ворчать, старуха заправила выбившиеся седые космы под платок и глубоко вздохнув, уселась на крыльцо.

Годы текли, люди позабыли древние порядки и ее позабыли бы, коли бы не знала она, как раны лечить, кровь да жар унимать. Скоро-скоро закатится ее солнышко, падут косточки во сырую землю и зарастёт тропка к ветхой избушке.

С шумом захлопав крыльями, на конек крыши уселся ворон. Закряхтел как дед, затопал лапками.

— Что, Воронишко, пора? Пора, сама ведаю, во сне видала, что пора. Ждёт нас гость дорогой. Уж и местечко для него приготовлено. Пора.

Страха подхватила большой туес, еще раз поправила платок и тяжело встала.

— По росе успеть бы. За делом собрать и белоголовку, и алый цвет, - она зашагала по тропинке, а ворон, догнавший ее у самой кромки леса, уселся хозяйке на плечо.

***

Дуняша утерла рукавом выступивший пот. Солнышко высоко поднялось, жара донимала, а брат всё не ехал. Уж не случилось ли чего?

— Евдоха! - заорал хмельной Антип. - Подь сюды! — и когда дочь, опустив голову, послушно встала перед ним, погладил бородку, в которой застряли хлебные крошки. - Гостей нынче жду. Собери на стол!

— Как же, тятенька? - Дуня посмела взглянуть в глаза отца. - Подклеть пустая, и.

— Не перечь мне! - Алтынник запустил в дочку деревянную ендову. — Сказал собери стол, стало быть, и собирай!

— Что ж вы, тятенька, сестрицу браните! - крикнул от ворот статный русоволосый молодец. - Будет вам и угощение, и медовуха!

— Евсеюшка! - улыбнулась Дуня брату, заводившему во двор лошадь, запряженную в груженую телегу. - Пир на весь мир закатим!

К вечеру, когда жаркое марево перестало донимать людей и задышалось легче, за сосняком послышался разговор - к хутору подъезжали шумные гости.

Дуняша, рассмотрев их получше, прижала ладошку к груди — вот и покатилась под горку ее девичья жизнь. Сговорятся осенью свадьбу играть, и пойдет она в чужой дом.

— Евдоха! Встречай дорогого гостя! - приказал Антип, и дочь послушно вышла на крыльцо.

Перед ней, заложив большие пальцы за кушак, горделиво приосанился купец Сила Иванович.

— По добру ли, по здорову поживаете, Евдокия Антиповна? - спросил он, и по коже Дуняши прокатился колючий холодок.

— Не приучена она без дозволения слово молвить, — самодовольно ответил за дочь Алтынник, приглашая гостя в избу. - Наука с детства в спину вколочена.

Мужчины уселись за стол. Слуги купца остались во дворе. Дуняша вынесла им холодного квасу, да пареной репы, улыбнулась ласково. Кто знает, может, пожалеют, когда хозяйкой им станет.

Прислушалась: отец и гость говорили о урожае да дороге, только вот купец нет-нет да и глянет исподлобья на невесту.

— Что даешь за дочь? - спросил он вдруг, и девушка сглотнула комок в горле.

— Так ведь, Сила Иваныч, не считал покуда. Таковая хозяюшка и в своем терему ко двору.

— Вижу, вижу, - ухмыльнулся купец. - А что жена твоя, Антипа Степаныч, много ли детишек нарожала?

Алтынник почесал бороду.

— Нарожать-то нарожала полну горницу, что ни год, то ребёночек. Дело-то нехитрое. Баба крепкая была, здоровая, работящая. А пела как - соловушки примолкали. Эх! А уж лицом пригожа, что твой цветочек! Да вишь-ка, горюшко у нас приключилось: чума черная унесла детушек и матушку.

— Горе, горе, Антипа Степаныч. А уж куда без детишек-то? Детишки в доме - отцу подмога. Плодовита ли Евдокия Антиповна будет?

— Дунька в мать пошла, - Антип поманил дочь пальцем. — И статью, и красой, и волосом, и голосом. Поворотись-ка, Евдоха. Покрасуйся перед гостем!

Краем глаза Дуня заметила, что брат, сидевший у края стола, сжал кулаки.

— И зубы все целые, - продолжал отец нахваливать, будто лошадь продавал. — Уж за нее только и радею. Лавку бы в посаде заиметь. Как полагаешь, Сила Иваныч, осилю ли такое дело?

— Хм, - гость громко отрыгнул, - чего ж не осилить, коли породнимся. А чем торговать намереваешься?

— Льном беленым да серым, пенькой, паклей, верёвкой крученой. В Косогорово людишки издавна этим промышляют.

До сумерек Дуня носила на стол еду, подливала холодного квасу и больше речей застольных уже не слушала. Брат пару раз тайком касался ее руки, ободрял. А с неё и такой доброты было довольно.

Устроив гостей на ночь, Дуняша отправилась напоить коней, когда влажная сильная ладонь зажала ей рот и купец подтолкнул к бревенчатой стене.

— Дай-ка сам товар проверю, не порченый ли, - тяжело сопя, жених принялся ощупывать груди и живот. - Хороша, хороша, не соврал Антипка!.

— Ты бы, Сила Иванович, спать шел, - миролюбиво посоветовал неожиданно появившийся Евсей, рядом с которым высился Терентий Молот. — Ночь уже. Устал, поди, с дорогито.

Сила выпустил девушку и, крякнув, молча направился в избу. Брат ничего не сказал Дуне, да и Молот тоже. От девки не убудет, вот только баловать жениху не стоило.

Дуняша сползла на землю и зажмурилась - васильковые глаза мнились ей, ласковые касания, сладкий поцелуй. Всего-то и радости отныне.

Утром, отведав каши и медовухи, гость, прихватив тугой кошель – подаренье Алтынника, тронулся назад, пообещав прислать сватов.

Антип же расцвел лицом и весь день дочь не ругал, не задевал, даже пару ласковых слов сказать сподобился. Но вечером ухватил-таки ее за толстую косу:

— Постой, суета. Людишки баяли, что с торжища купцы едут, завтра к вечеру выйдем.

— Тятянька, миленький, не бери меня!

Оплеуха была ответом на девичью мольбу. Дуняша схватилась за щеку и убежала плакать за амбар.

Там ее и нашел Евсей.

— Не реви, Дунька, - привлек он сестру к себе. - Ты не гляди им в глаза, проезжим-то, так легче. А коли в глаза взглянешь - сон потеряешь. Не гляди, Дунька, пусть батюшка управится с ними. А ты не гляди. Станется, что и дурного какого человека прирежет. Они ведь, богатеи, от золота злее становятся. Не плачь!

***

Пошамкав почти беззубым ртом, старуха растерла в ладони цветок василька.

— Экий сочный. В самую пору вошел, вот и сорвали.

Ворон перепрыгивал с кочки на кочку, пытаясь напиться из ручья, и зло каркнул, когда старуха громко хлопнула в ладоши.

Бесшумно раздвигая кусты малинника, из леса потянулись на луг большие серые волки. Следом вышел на росистый луг могучий человек, поклонился старухе в пояс, она милостиво голову слонила.

— Добро сотворил, сынок, зачтётся. Не проговорился? — Нет, бабушка, отбрехался.

— Гляди, сынок, как бы не споймали!

— Не споймают, бабушка, не того размета молодцы.

— Подмогнешь, да и ступай, дале уж я сама справлюсь.

Волки послушно подставляли головы в кожаные петли. Старуха свистнула, и звери потянули тележку с поклажей.

Ворон взлетел на самую верхушку березы и долго смотрел вслед уходящему человеку.

Глава 3. Метка

В этот раз с ножом в засаде сидел Евсейка, отец с остальной ватагой схоронился в березняке. Стараясь не смотреть туда, где впервые поцеловала мужчину и тут же его потеряла, Дуняша срывала переспелые ягоды луговой земляники и кидала в туесок. Из-под ее ног выскакивали кузнечики, но и они больше не радовали девушку. Прокричали из березняка сорокой – знак, что едет кто-то по дороге, и Дуня выпрямилась во весь рост. Пусть путник ее заметит подъедет поближе. Пока ехали к этой проклятой развилке, отец приговаривал, что, де, Сила Иванович баловать молодую жену будет, что с богатым приданым примет ее как царицу. Дуняша слушала и кивала.

Что ж, раз на роду написано по родительскому хотению замуж идти, то так тому и быть. Разве ж девушка станет перечить суровому батюшке? Вот только в который уже раз глядя на отца, думала дочь, а любил ли он матушку? Добрым ли был мужем? Поколачивал Антип ее по субботам, для острастки, реже бывало, что сильно – за провинность. Только матушка не жалилась никогда. Вечером поплачет в подушку, глядь, а на утро улыбается и песни напевает. Наука матушкина в памяти осталась: «Мужа уважай, слушайся, не перечь! Дом держи в чистоте, кашу в печи, а руки при деле!» Вспомнилось девушке, как ходили они летней зарей, по росе, собирать пахучие травы. Как пела песни матушка, и они с братцем ей подтягивали тонкими голосками, смеялись, не опасаясь батюшкино окрика.

Когда мать умерла, Дуня только в отрочество вошла, и отец сразу ее хозяйкой в доме назначил. Если бы не Евсеюшка-братец, не сдюжила бы. Девушка вздохнула и глянула на брата. Тот мрачнел всё больше, и Дуня знала отчего: не любил Евсей людей жизни лишать. Сколько раз грозился в бега пуститься, да сестру с собой прихватить, вот только дальше слов дело не шло. Так и мыкались по белу свету вместе с лихой отцовской ватагой. В одном месте честной народ общиплют, в другом, а годы шли, дни за днями мелькали.

Маленькую Дуняшу разбойнички не обижали: кто игрушку смастерит для девочки, кто платочек подарит краденый, кто калачик. А уж как вошла она в пору, как расцвела, так и придумал Антип выводить девку в придорожную приманку. Девушка истово молилась, чтобы в очередной раз отец не взял ее с собой, и Алтынник зазря дочь не выставлял, грабил всё больше по старинке.

Однако же пару раз нарвавшись на стражу при купеческих обозах, атаман решил покуда затишиться. Куда проще было отвлечь проезжего от дороги, заманить за Волчий ручей и ограбить. Тихо, без следа. Ищи его потом в высокой луговой траве. А уж ночью Терентий Молот унесет мертвеца подальше и прикопает в овражке.

Вот добрались до места, и задумавшаяся Дуня, спрыгивая с телеги, больно ударилась локтем. Вскрикнула. Отец зыркнул зло, покачал головой. Да она и сама знала, что примета плохая, скинула с головы платок, перекинула на спину косу, подхватила туесок Сорока снова прокричала, и девушка вздрогнула всем телом: далеко думы, а путник-то всё ближе. Солнышко слепило, не давало рассмотреть, кто ехал на свою погибель. Краем глаза Дуняша увидела, как выглянул из ветвей брат. Улыбнулась широко, призывно.

На сером коне сидел кудреватый рябой мужик и скалился, подбоченясь. Дуня знала, что сейчас он спросит у нее.

— Одна штоль?

— Одна, - в душе что-то задрожало, но Дуняша старалась не замечать дурного предчувствия. — Ягоду беру, вона сколько нынче ее.

— Ягоду, - ухмыльнулся всадник. — А ну, дай-ка спробовать!

И это тоже было привычной просьбой.

— Слезь с коня да сам и возьми! – ответила с улыбкой, как батюшка учил.

Однако незнакомец спешиваться не торопился, тронул повод, жеребец шагнул вперёд.

— Дай, говорю! – легкая злость послышалась в голосе, но Дуня не сдавалась.

— Вот ещё! Надо, так слезь с коня и возьми. Не для того с утра я спину гнула, чтобы прислуживать!

Верховой взмахнул плеткой и длинный ее хвост щелкнул в воздухе.

— Ты кому перечишь, курица! Подай ягоду, говорю!

Такого раньше не случалось, никто не обижал девицу, одиноко бродящую по лугу. Кто не смел, а кто не успел.

Не зная, как поступить, девушка подхватила туесок и подняла его повыше, но тут же рука ее была перехвачена за запястье, и сильным рывком незнакомец попытался перекинуть свою жертву через седло. Однако наставления Дядьки молота и Евсейки даром не пропали: Дуня резво крутанулась, оттолкнулась от бока лошади и потянула седока на себя. Из кустов на помощь сестре бежал брат. А за ним, заметно поотстав, еще два человека.

Однако мужик, обернувшись, заметил засаду, разжал ладонь и, замахнулся плетью.

Когда его конь скрылся за березняком, Евсей с силой ударил ладонью о ладонь:

— Ушел! – но тут же повернулся к сидящей на земле сестре.

Через щеку ее алел тонкий красный след от плети.

— Вот сучий сын! – бережно подхватив Дуню, Евсей повел ее к ручью. – Сейчас, голубушка моя. Водицей смою.

— Ехать бы нам, Евсей Антипыч! - недовольно проговорил кто-то из разбойников. – Того гляди дружков приведет на подмогу. Повяжут. Ехать бы!

Не слушая ворчания, молодой мужчина бережно омыл сестре лицо и обнял.

— Не спущу я ему, так и знай. Разыщу и отхожу до смерти!

— Поедем, Евсеюшка, — взмолилась Дуня, - батюшка бранить будет!

Так, обнявшись, они сели на телегу и ехали до самого хутора, предчувствуя скорую родительскую расправу.

Антип сидел за столом и резал ножом вяленую оленину, купленную на городском торжище. Рассказ сына слушал молча, сплевывая ошметки дубовых листьев, которыми для сохранности обернуто было мясо.

Дуняша стояла у стенки, боясь пошевелиться. Снова на ее рубахе расцвели кровавыми цветами брызги крови. Поделом ей. Поделом.

— Это что же, - Алтынник, наконец, оторвал взгляд от стола. — Ты, гниль, упустил золотишко-то?

— Вышло так, батюшка, - смиренно ответил Евсей. — Моя вина.

— Упустил, упустил, - словно и не слушая сына, продолжал атаман, поднимаясь из-за стола и делая шаг к Евсею. — А коли упустил, тебе и платить. Ступай, мил друг, на конюшню. Тебе кнут – другим наука.

Не удержавшись, Дуня шумно вздохнула, и тут же отец метнулся к ней, вглядываясь в опущенное лицо. - А ну! – зашипел он и ухватил дочь за подбородок. — Ах ты! - Дуня слышала, как скрипнули его зубы. — Ах ты! Попортили мне девку! Ах ты!

Алтынник грубо оттолкнул ее и, ткнув Евсея в спину, пошел следом за ним на двор.

Дуня знала, что пороть он будет брата еще шибче, чем прежде, и только Молот сумеет помочь. Только он мог перечить Антипу, да еще не раз видела девушка, как, удерживая провинившихся, подставлял Терентий под кнут свою руку, чтобы несчастному меньше боли досталось.

Случилось так и в этот раз. Пока Алтынник, плюясь слюной от ярости, выговаривал сыну обиду и бил его по заголённой спине, Молот, держащий Евсея за плечи, то и дело подсовывал под свистящий кожаный кнут свой кулак.

— Отстань беречь поганца! – орал на него атман. – И тебя не пожалею! И ты виновен!

Но бывший молотобоец только брови супил. Поди его заломай, борова такого.

— Ишь! Богатырь! И не крикнет, не поплачет под отцовской рукой! А ты покричи, покричи, авось и пожалею! – продолжал стегать сына Алтынник, однако Евсей упрямо молчал.

Таков был уклад: подвел ватагу – подставляй спину.

Дождавшись, когда злость отца иссякнет, и он с руганью швырнет кнут оземь, Дуняша бросилась к брату.

— Милый мой, соколик быстрокрылый, сердечко ты мое! – шептала она, сглатывая слезы. – Уйму твою боль, поутру завтра побегу в поле, наберу белоголовки, перетру, все и заживёт, Евсеюшка, и следочка не останется. Дядька Молот, и у тебя заживёт, дай срок!

Все трое знали, что она сейчас отчаянно врала. На спине брата давно зарубцевались прошлые раны, и эти навек останутся, побелеют только.

— Убежим, Дунька! Дай срок, ужо убежим! Не разыщет тятька нас, слово тебе моё!

Дуня кивала, и эта ложь была ей знакома.

Вечером, отец придержал ее, убиравшую со стола, за руку.

— Что он там? Раздышался?

— Раздышался, батюшка, - кивнула девушка.

— Ты, Дуня, не печалься, - вдруг ласково произнес Алтынник. — Твою красу ничем не попортишь. Только не вздумай в Косогорово идти да у баб спрашивать снадобье какое. Метка у тебя теперь, Дунька. По ней узнают, коли искать будут. Поняла?

— Поняла, батюшка, - покорно кивнула Дуняша. — Я по росе за белоголовкой схожу. Много ее тут, она и поможет.

— Сходи-сходи, - закивал атаман, отряхивай от крошек бороду. – А за жениха своего не бойся – не сбежит. Крепко привязан. И слова поперёк не скажет, хоть рябой будешь, хоть кривой. Так-то!

Заныла душа, но Дуня снова покорно кивнула. Дождавшись, когда отец захрапит на лавке, она выбежала на двор и направилась к амбару, в котором, на широко расстеленной на сене конской попоне лежал лицом вниз брат. Рядом, опираясь спиной на старый кособокий ларь, дремал Терентий, держащий на весу замотанную в тряпицу руку. Девушка покрутила головой, отгоняя дурные мысли, села рядом с братом, потом прилегла, да так и уснула.

Тощий петух закричал прямо над ухом, и Дуня вскочила, едва не задев Евсея. Он стонал во сне, пришлось поить его и отирать сукровицу, потому и проспала раннюю зорьку. Молот тихо похрапывал, завалившись на бок и подложив здоровую руку под голову. Торопиться нужно, пока отец не проснулся. Завернув в старый рушник ломоть хлеба и отпив из крынки скисшего молока, Дуня повязала вокруг головы платок, ухватила корзинку, посох, чтобы змей откидывать, и пробежав через леваду, оглянулась – ватага спала, никто во дворе не показался.

Поляну, на которой обильно цвела белоголовка, Дуня приметила давно, помнила к ней дорогу, но пробравшись через еловый валежник, застыла: сгорбленная спина виднелась посреди высокой травы. Кто-то из деревенских поутру явился собирать белые цветы.

Натянув один край платка на пораненную щеку, чтобы не увидали метку, Дуня невольно застонала – кнут и ей рассек кожу, только про свою боль она позабыла до поры.

— Ничего, - скрипуче донеслось с поляны, - к осени сойдёт, не печалься.

Из травы, похрюкивая, выбежала черная свинья, и Дуняша испуганно прижалась спиной к старой сосне.

— Эка! – распрямляя спину, во весь рост из травы показалась старуха. — Чернушки испугалась? Не боись! Она что кошка, не обидит! Ты чего, за белоголовкой явилась?

Девушка испуганно кивнула.

— Не трусись! – буркнула бабка, собиралась что-то подхватить с земли и, громко охнув, снова согнулась пополам. — Ох ты!

— Погодите, бабушка, я помогу! – Дуняша бросилась к старухе и ухватилась за ручку большой, потемневшей от времени корзины. — До дома доведу!

— Смотри, - задумчиво протянула бабка, - как бы не пожалеть потом.

Глава 4. Яблоко

Только перед левадой, где уже ходили выпущенные утром из конюшни лошади, Дуня отдышалась, но сердце в груди колотилось не от скорого шага, вовсе нет. Она поправила съехавший с головы платок, утерла его уголком потное лицо, обходя подсохший шрам, и направилась к дому.

Она шумно выдохнула, когда поняла, что отец только-только начал просыпаться. Вытянула из остывшей за ночь печи горшень с кашей, выставила на стол крынку с молоком, хлеб, принялась растапливать печь.

— Припозднилась, - зевнул поднимающийся с широкой лавки отец.

— Белоголовку собирала, - быстро ответила Дуня, орудуя кочергой. – Каша совсем простыла, не взыщи, батюшка!

— Собрала?

— Корзину, полную почитай.

Отец, почесывая пузо, вышел на двор, и только тогда Дня выпрямилась и посмотрела на свои руки – они дрожали, и унять эту дрожь девушка никак не могла. Потом хлопнула себя по бокам, вспомнив про важное, и побежала к амбару. Здесь еще не было никаких запасов, строение ждало починки, но Алтынник медлил.

— Братишечка мой! – улыбнулась Дуня Евсею. – Проснулся! Больно тебе?

— Больно, — через силу улыбнулся в ответ брат. – А вот как тебя увидал, так и легче.

— Я печку затопила, белоголовку запарю, легче станет.

— И то, Дуняша, как же я без тебя останусь? Выдаст тебя тятька за мужа богатого да дородного, уездит он тебя, как есть уездит. И думать про братца родимого забудешь.

— Не забуду, Евсеюшка, родненький. Как же можно?

— Дочь – отрезанный ломоть, говорят.

— Неужто вот так и кончится?

— Да не причитывай, Дуня, - брат ухватил сестру за руку. – Коли муж обижать станет, ко мне беги! Или вон, к дядьке Молоту.

— Лежи, Аника-воин, - улыбнулась девушка, - не то умаешься языком воевать! Поешь чем бог послал. Я с делами управлюсь, да в село сбегаю. В церкву на вечернюю службу.

— Чего? – Евсей поперхнулся. – Отца спрашивала?

— Нет, - потупилась Дуня. – Я тихохонько, никто из деревенских меня и не приметит.

— Да туда, почитай, три версты бежать! Не смей, Дунька! Нет тебе моего позволения!

— Дочь – отрезанный ломоть! Не ты ли сказывал?

— Береги сестрицу до венца, а от венца до мужнина порога! – оскалился зло Евсей. — Одну не пущу!

— Я мышкой пробегу, скоренько. Свечку за здравие тебе поставлю!

— Не смей, не смей, говорю!

Но Дуня уже прикрывала дверь старого амбара.

Весь день она не находила себе места. С братом, которому смачивала раны снадобьем из белоголовки, больше о церкви не говорила. Покраснела, когда перехватила взгляд Молота, быстро перевязала ему руку и убежала.

— Занемогла Дуня-то? Сама не своя, - обеспокоенно спросил Терентий.

— В село собралась, на вечернюю службу, - Евсей попытался сесть, но застонал и лишь чуть-чуть поменял положение тела.

— Врёт, - спокойно заключил Молот. — Пригляжу за ней.

— И то, видано ли одной через поле да лес! Пригляди, друг.

***

Дорога до бабушкиной избушки оказалась долгой. Подол вымок от росы, но Дуня внимательно слушала все, что рассказывала ей добрая старуха. Скрюченным пальцем она указывала девушке то на один цветик, то на другой, растирала между ладоней стебли, нюхала, а потом подносила к носу Дуняши:

— Чуешь, каков дух? Медовый! То-то! Это от грудной хвори. Горстку возьми, узвар свари, меда ложку и выпаивай хворого на ночь-то. Он и пёрхать перестанет. Так-то! Медоцветом зовут, запомни, Евдокия. Запомни!

Бабка, по всему видать, была знатная травница, и Дуня задумала попроситься к ней в помощницы. Вот скоро она замуж выйдет, детишки пойдут, а ну как хворать станут? Вот тут бабушкина наука и пригодится. Переложив тяжелую корзину из руки в руку – и коренья там лежали, и грибы, и черный шершавый камень – разбойничья дочь спросила:

— Вот бы и я так про каждый росточек знала!

Но старуха промолчала, ответа не дала.

Довела девушка новую знакомицу до самого крылечка, все на Чернушку оглядываясь: чудное дело – чёрная свинья. Небось и мясо черное. Бабка словно угадала мысли своей провожатой.

— Чернушенька – подружка давняя, пуще собаки дом сторожит, да и меня, старую, от лихих людей бережет. Не смотри, что страшна, она и тебе не раз подмогой станет, - тут старуха резво поклонилась: - Благодарствую тебя, девонька! Коли захочешь от меня науку – милости прошу!

Удивленная Дуня осмотрела покосившуюся избенку со мшистой скатной крышей, ласково ответила, да и побежала домой, заламывая в приметных местах веточки – чтобы легче дорога сыскалась к дому травницы.

И вот сейчас, стоя у кривой сосны, Дуня хмурила брови: она точно помнила, что у гнутого ствола нужно было свернуть, а ныне кругом трава, никакой тропки и не видать. Девушка потерла лоб, ругая себя. Скоро домой возвращаться, а она избушку никак найти не может! Тропку от хутора до луга с белоголовкой стрелой пролетела, а теперь куда?

В густой траве захрипело и зашевелилось, должно кабанчики, а от них, особенно от мамки-кабанихи, нужно держаться подальше.

Дуня спряталась за сосну, но, смешно шевеля рыльцем, к ней вышла Чернушка. Цепкий взгляд ее маленьких глазок пробирал до котей, и девушка вдруг поняла, что свинья ждёт именно её.

- Не тебя ли мне в пособницы бабушка выбрала? Ну, тогда идём.

Едва услышав эти слова, Чернушка развернулась и скрылась в высокой траве, громко похрюкивая, и Дуня пустилась бегом, чтобы не отстать. Лес становился гуще, уже и полянки встречались всё реже, и сумерки опускались быстрее, чем обычно. Наконец Дуня поняла, что пробирается сквозь страшную чащу. Сухие ветки тянули к ней свои мшистые руки, норовя зацепить за косу, страшные шорохи и вздохи раздавались со всех сторон, заставляя и без того неспокойное сердце биться всё сильнее.

То тут, то там вспыхивали красные огоньки, и мнилось разбойничьей дочери, что дикие звери готовы кинуться на неё и растерзать в клочья. Дуня бежала уже не разбирая, куда ступает, боясь услышать за спиной дыхание лютой волчьей стаи.

Вдруг под чьим-то скорым шагом хрустнул валежник, и Дуняша, вскрикнув, припустила еще быстрее, зацепилась ногой за торчащий корень и полетела вперёд, едва не разбив лицо.

Подняла голову – а перед ней Чернушкино рыло. Позади чёрной свиньи поляна, а на поляне высится темная изба на курьих ногах, ни окон на ней, ни дверей. Встала Дунюшка, оправила сарафан, присмотрелась – и правда изба стоит, не привиделось со страха. Снова позади хрустнула ветка, и девушка быстро оглянулась, но никого не увидела.

Терентий, хмуря брови, схоронился за старым дубом, чтобы дочка атамана не приметила. Еле поспел за ней, уж так торопилась. Переведя дух, Молот выглянул из укрытия: стоит, дурёха, руки опустила, ждёт чего-то.

А у Дуни того и гляди сердце из груди выскочит. Не знает, что делать, как к избушке подступить, всё смотрит на куриные лапы, что серыми своими когтями в землицу врылись-зацепились. И не обхватит эти лапы ни она, ни большой человек. Откуда ни возьмись кот на поляне показался, подошёл к девушке, о ноги потёрся, будто успокаивает, не боись, мол, не лихо, не беда.

Дуня и вовсе растерялась, домой вернуться – так дороги не запомнила, да и по чаще идти страшно, а как в избушку попасть, вовсе ведать не ведает. Черный ворон сел на конёк, распластал крылья чуть не на всю крышу, каркнул громко да сипло, и задрожала изба, затряслась и поворачиваться начала. Затоптались куриные лапы по пожухлой траве.

— Вот ведь сказка, - прошептала удивленная девушка, - и вправду ведь ко мне передом, а к лесу задом.

Поскрипывали старые бревна, спалась с крыши солома и старые сучья, но вот перед Дуней и окошко, и крылечко, а на том крылечке та самая бабушка-травница сидит, ноги свесила. Та – да не та. Страшнее прежней, от одного взгляда оторопь берёт и руки ноги трясутся. Подогнулись у избы куриные ноги, спрыгнула старуха на землю, легко, словно молодуха. Подошла к гостье, яблочко наливное протянула красное не по времени поспелое.

— Пришла, голубица ясноглазая, прилетела, не разбирая дороженьки. Откушай моего угощеньица, не побрезгуй!

Послушно приняв яблоко, Дуня откусила от него и успела только почуять сладость и сочность, и тут же в глазах её потемнело, и полетела она в холодный омут, упала в воду, а то не вода – чёрное вязкое болото

Снова каркнул ворон, и Дуня распахнула глаза, оглянулась. Неужели она в ведуньиной избе? Кругом травы да коренья подсыхают, на дубовом столе ящерки да змеи сушеные, хвосты мышиные, жучки-паучки в мисках копошатся.

— Оробела, девица? – скрипуче спросила ее старуха.

— Нет, бабушка, - Дуня поднялась с лавки и осмотрелась. – И вовсе не оробела. А это что же у тебя? Никак сдуй-голова?

— Он самый, Евдокия, он самый.

— А он бабушка, для какой надобности?

— А вот как желтые цветики пуховыми станут, так тот пух с медом намешать, да и после баньки натереться.

— Для чего же?

— А вот после расскажу, коли припомню, - улыбнулась старуха и Дуня совсем перестала страшиться её.

— А это? – девушка тронула охапку дубовых листьев. – Никак мясо сушить будешь?

Но бабка не ответила, подошла ближе, за плечи взяла, строго в глаза взглянула:

— Стало быть, науки от меня хочешь?

— Хочу, бабушка, научи! Буду раны врачевать и хворым людям помогать. Не могу больше зло творить, чужую кровь с рук смыть желаю, - добавила Дуня шепотом. – Греха на мне немеряно, тяжко. А супротив батюшки как пойдешь? И так грех, а поперек еще грешнее.

— Чужая-то кровь и на всю жизнь пристать может, слышала ли? – старуха держала крепко и глаз не спускала с Дуниного лица. — Чего вдруг опротивело тебе разбойничье ремесло?

— Увидала молодца синеокого, - защипало глаза, Дуня хотела закрыться рукавом от бабкиного взгляда, но та не дала, всё смотрела. — Сердце запело, бабушка, никогда такого не бывало со мной, а тут как льдинка на солнышке растаяло. Ласковый такой, ладный, богатырского виду. Всего-то и была у нас одна перемолвочка, а я который день сама не своя. И при-

шлось бы мне сейчас всю кровушку отдать, да кабы только жил, отдала бы, бабушка! Всю до останней капельки отдала бы!

— Ишь, какова! А коли он злой человек?

- Не злой! Не злой, бабушка! – старухина хватка ослабла, и Дуня всё ж таки стыдливо уткнулась в рукав. — Добрый, он, ласковый, а глаза какие – словно поле васильков прохладное, красивое. Не обидит зазря, не надсмеется. Не спрашивай, откуда мне это ведомо, - она горько всхлипнула и разрыдалась всё еще пытаясь договорить. – Как в девичество вошла, так сразу и видеть стала и доброе, и злое. Никому окромя тебя не сказывала про это, бабушка.

- Ну, будет тебе, - ведунья склонила голову гостьи себе на плечо и начала поглаживать, пока рыдания не стихли, и Дуня не задышала ровнее. – Будет горевать-то. Чего же горевать, коли у меня для тебя еще подареньице имеется.

— Подареньице? – шмыгнув носом, переспросила девушка.

— Ну-ка, откинь полог да загляни в закуток. Отерев слезы с лица, Дуняша подошла пологу из старой холстины и отвела в сторону уголок. Замерла, шумно вздохнула.

Глава 5. Тайна

- Зачем смеешься, бабушка, надо мною, горемычной? Отчего сердечко мое девичье не жалеешь? – обернулась девушка к ведунье. — Зачем морок на меня насылаешь?

— Да была бы забота – тебя морочить! – засмеялась старуха. – Тронь, тронь рученькой-то.

Горячей волной окатило с макушки до пят, и Дуня кинулась к широкой лавке, на которой в ворохе перин и волчьих шкур лежал тот, о ком сны и думы были, кого оплакивала она горючими слезами.

Глава 5. Тайна

- Зачем смеешься, бабушка, надо мною, горемычной? Отчего сердечко мое девичье не жалеешь? – обернулась девушка к ведунье. — Зачем морок на меня насылаешь?

— Да была бы забота – тебя морочить! – засмеялась старуха. – Тронь, тронь рученькой-то.

Горячей волной окатило с макушки до пят, и Дуня кинулась к широкой лавке, на которой в ворохе перин и волчьих шкур лежал тот, о ком сны и думы были, кого оплакивала она горючими слезами.

— Милый ты мой, - причитывала девушка, - касатик мой быстрокрылый! Чего же ты глаз не откроешь, не взглянешь на меня? Виновата я, негодница, виновата перед тобой! Прости ради бога! Ой, что же теперь делать, бабушка? Слышит ли меня?

— Слышит, - бабка встала за спиной Дуняши, сцепив руки на животе.

— Хороший мой, василёк ты мой луговой, - разбойничья дочь улыбалась сквозь слезы, припадая поцелуями к восковым рукам, гладя колючие щеки, проводя пальцами по густым бровям. — Живой он? Живой, бабушка?! Служить тебе буду, ноженьки мыть! Только выходи его, хворобу выгони, рану заговори! Всё отдам, что за душой имею, ничего не жалко!

— Погоди посулы сулить, - вздохнула старуха и тронула девушку за плечо. — Лёжнем лежать ему еще тридцать дней. Уж такой я над ним заговор сотворила. А там помрет-не помрет, то тебе решать девонька.

— Как же? – спросила тихо Дуняша, приложив ухо к мерно вздымающейся мужской груди. — Прикажи только, всё сделаю!

— Тридцать дней ему лежать. А три ночи – твои. Днём отпаивать его будешь одолень-травою. А уж как тридцать дней минует, ночью от смерти отбивать. Придёт черное племя по его душу, а тебе заслоном стоять да в полон его не отдавать. Станешь ли хлопотать?

— Стану бабушка! - просияла улыбкой Дуня.

— Ты, девка, коль слово дашь, так от него не отступай, не то мне одной добра молодца на этом свете не удержать. Даешь слово-то?

— Даю бабушка, - Дуня обвила руками крепкий стан незнакомца, прижалась. – Слово мое твёрже камня!

— Ну-ну, - бабка, кряхтя, полезла в печь. — Гляди, как бы камнем этим не подавиться! – она вынула из печного устья горшень и протянула Дуне. — Выпей.

Нехотя отступив от лавки, Дуня приняла из рук хозяйки питье и сделала глоток. Огонь побежал по жилам, рукам горячо стало. Вернулась разбойничья дочь к синеглазому молодцу, ладошки к груди его приложила, почуяла, как тепло от нее к нему течет, оглянулась на старую ведунью.

А та задумчивая стоит, головой качает:

— Вон как случилось. Стало быть, так тому и быть, - села на лавку, а на колени к ней кот тотчас запрыгнул.

Погладила его ведунья, да и выдрала из загривка клок шерсти.

— На-ко, спрячь за пазуху. Коли беда наступит, кинь за спину, котейко враз тебе на подмогу придёт.

Улыбнулась Дуня:

— Благодарствую, бабушка, только поспеет ли коток-черный лобок беду отвести от меня?

— Поспеет, - кивнула страха. – Пора! Оторвись от молодца! Удушишь!

— Не могу его покинуть, привязали будто.

— А и привязали, - задумчиво протянула бабка. – Глянь, что покажу тебе.

Дуняша нехотя подошла, а ведунья ей липовый цвет в горсти протягивает.

— Липа – она всем деревьям матушка. Узвар липовый на липовом меду – от грудной хвори пить надобно.

Говорит старуха – заговаривает, девицу от молодца уводит, а Дуняша нет-нет, да и смотрит на него ласково, вздыхает.

— Глянь, каково варево! – ведунья достала с полки маленький горшочек. – Не гляди, что с крошку, пальцами разотри да к ране приложи. Особливо, ежели кнут по спине погулял.

Дуняша вздрогнула и вспомнила про брата, но тут же взглянула на своего милого. Бабка еще что-то бурчала, только девушка ее больше не слышала, налюбоваться не могла на доброго молодца.

— Ну, теперь ступай, пора! – приказала старуха, но Дуня словно к полу приросла.

— Ступай, - толкнула ее старуха в спину. – Никому ни словечка, ни полсловечка, не то страшной беде быть!

Дуня дошла до двери, ступила через порог, не сдержалась – оглянулась, да и приложилась лбом о притолоку. Потемнело в глазах, закружило, унесло то ли вверх, то ли вниз.

Открыла глаза и испуганно зажала ладошкой рот: стоит она на той самой поляне у кривой сосны, а рядом Чернушка похрюкивает. Ночь на дворе.

Со всех ног припустила Дуняша домой.

***

Алтынник стоял на крыльце, держа в руке горящую головёшку. Дуня глубоко вздохнула и опустила голову.

— Где шлялась, сучья дочь? – спросил атаман, и девушка рассмотрела на его лице зловещую улыбку.

— В церкву к вечерней службе бегала, батюшка, - смиренно ответила она.

— Давно ли грехи замаливаешь?

— За брата Евсея свечку ставила. Плох он был, вот и подумала

Но атаман перебил:

— Чего ж позволенья не спросила? А?

— Спал ты, батюшка, тревожить не стала.

— Видано ли, чтобы на ночь глядя девка по лесу одна шастала. Да хоть бы и за брата! Сказано было: не кажись на глаза людям! Лжешь, сучья дочь!

— Правду говорю, - тоскливо ответила Дуня. Не миновать ей отцова наказания.

— Под вожжами и узнаем, правду ли. Иди в дом! – Алтынник распахнул дверь. – Пошла! Уж я тебе покажу, как без моего позволения за порог выходить!

— Не шуми, атаман, - крикнул Терентий, подходящий к крыльцу. — След в след за Евдокией Антиповной шел, Евсей послал присмотреть. – В церкви была, правду говорит. На обратной дороге поплутала чуток, да я рядом был.

Бросив зашипевшую головню в бочку с дождевой водой, Алтынник сплюнул:

— Смотри, Молот, коли позор ее прикрываешь, я не спущу! И тебе достанется.

Притихшая Дуняша молча зашла в дом. В сенях отец ухватил ее за толстую косу, на самое ухо зло проговорил:

— Просватал я тебя, Евдоха, за богатого купца. А ты, заместо того, чтобы перед отцом поклоны бить за таковое-то счастье, хвостом вертишь? Смотри, коли с прорехой окажешься, да муж тебя по улицам в хомуте поведет, убью! Ночью проберусь в горенку, да и подушкой придавлю. А и мужа твоего заодно! Запомнила?

— Запомнила, батюшка, - Дуне было тяжело говорить с запрокинутой головой.

— То-то же! – Антип больно ткнул ее кулаком в спину. – Спать стели!

Молча Дуня прибрала со стола, замочила горох, постелила постель, скатав отцу, как он любит, заячий тулупчик под голову. Проверила печку, трижды сходила по воду к старому колодцу и закончила за полночь, когда вся ватага во главе с атаманом уже крепко спала.

Зайдя в старый амбар, тихонько пробралась к брату, укрыла по пояс, прилегла рядом убрав с его ясного лба прядь волос и улыбнулась. И впрямь впору ей ведуньей стать – вон сколько хворых кругом. Так с улыбкой и уснула. И снился ей проезжий молодец, что гладил её по щеке и от того сладко щемило сердце.

— Дуня, Дунюшка, ласково звал он её. — Вставай!

Распахнув глаза, увидала девушка над собой лицо Молота.

— Вставай, Евдокия Антиповна, петухи уж который раз прокричали.

Дуня приподнялась на локте, краем глаза заметив, что брат крепко спит, села, потянулась сладко вложила схватилась за широкую ладонь Молота. Потянул дядька - поставил девицу на резвые ножки.

— Эх, Дуня, Дуня, - вздохнул Молот и вытянул из её распустившейся косы травинку. – Краса ты ненаглядная, так и проспишь долю свою девичью. Охнуть не успеешь, а и повезут тебя, молодую, в мужнин дом.

Дуня переступила с ноги на ногу, и покатился по земле горшочек со снадобьем. Девушка быстро подхватила его и просияла.

— Вот же! Бабушкино подаренье! - воскликнула она и осеклась. - Давеча не поблагодарила тебя, дяденька Терентий, за то, что заступился. Уж и не знаю, зачем ты сказал, что шел за мной. А ну как батюшка осерчал бы? - она чуть наклонила голову – лучи проснувшегося солнышка не давали взглянуть в глаза Молота. - А ведь ты и не боишься его. Так ли? Отчего ты не уйдешь? Золото у тебя есть, выстроил бы кузню, жил бы - поживал. Неужто по сердцу тебе лихоимством промышлять?

Никогда доселе не отваживалась она вот так говорить Молоту. Помнила его сызмальства, всегда рядом был, нужда была - успокоит, свистульку из прутика смастерит, яблочко с ветки сорвет.

— С меня какой спрос, - невесело покачал головой Терентий. — Вот замуж тебя выдам, да и осяду в Косогорово. Отчего бы и впрямь на деревне кузню не завести? Заживу своим домом, куплю сафьяновые сапоги, да и пойду вдоль околицы сам гоголем выхаживать: «Га-га-га, утушки серые-белыя, выходите полюбуйтеся на меня да на добра молодца! - улыбнулся Терентий.

Дуняша залюбовалась на старого своего воспитателя - каков он красавец, даром что седина по волосам разметалась. Сильный да ладный, не страшный совсем.

Терентий почуял девичьи мысли, разом брови нахмурил

— А ну, что за подаренье?

И Дуня вспомнила про горшочек.

— Вот, у церквы — она врала, и яркий румянец отчего-то заливал ее щеки, стыдилась она неправду Молоту говорить, но как тут признаешься. — У бабушки старенькой выменяла

— На что? - спросил Молот.

— Так на то — Дуня растерялась. - Пирожка с собой взяла. С куриными потрошками пирожок, давеча стряпала. Вот ей и дала. А она баяла, что снадобье шрамы заживляет. Вот Евсеюшке намажу. И тебе, дяденька. Давай-ка руку! Глядишь и заживет и твоя рана, да братнина посеченная спина.

- До свадьбы не подживет, - усмехнулся Молот, закатывая рукав и глядя, как ловко девушка смазывает подсохшую коркой рану. - Нынче батюшка твой за свахой поедет, а та подружек привезет.

Обмерла Дуня.

— Каких подружек, дядька Молот?

— А тех, что твое девичество оплачут, - горько усмехнулся Терентий. — Жених торопит, говорит, мол, и приданого золотом возьму, опосля подушки да перины довезёте. Отдайте, мол, девушку скорее.

— Пугаешь, дядька! – Дуня выпустила мощную мужскую руку, и Терентий принялся раскатывать рукав. – Батюшка сказывал, что сговорились на Покров. Кто же летом свадьбу играет? Страда ведь.

— А что тебе страда? – губы Молота чуть дрогнули. – Нам не сеять и не жать, токмо с девками гулять. Да и жених твой – человек торговый, захотел через две седмицы, стало быть, Дуня, через две седмицы быть тебе мужниной женой!

— Это скоро, дяденька Терентий, - губы Дуни задрожали. – Не могу я замуж пойти до Покрова.

Молот подошел близко, тронул девушку за плечо, как давеча бабушка-травница.

— Нет твоей воли отцу перечить, сама ведаешь. Коли не пойдешь за Силу Иваныча, так Алтынник тебя не пожалеет, как и до сего дня не жалел. Ты у него – рубль серебряный, разменный. – тут Терентий присел, чтобы вровень с Дуниным лицом стать. – Одно слово твоё, и увезу тебя со двора, да только поедешь ли?

Дуня смотрела в глаза Молота и видела наперед свою судьбу.

— Не поеду, дядька, слово дала.

— И сердце не послушаешь?

— Одно сердце и слушаю, только его и слушаю, - единственная слезинка упала с длинных девичьих ресниц. – Замуж так замуж.

Глава 6. Виновница

Вскоре и сам Алтынник сообщил дочери о приезде гостей. Дуняша слушала и кивала, а сама думала о том, кто лежал сейчас недвижимый в избушке старушки-травницы. А ведь она и имени его не знает, и сословия. А ну как он давно обвенчан, и детишки у него по лавкам сидят?

— Слышишь ли? – брюзгливо спросил Антип замершую с ухватом в руках дочь. — Чего столбом стоишь? Евдоха?!

— А? – девушка вздрогнула. — Как же, батюшка, мигом обернусь!

Антип покачал головой и махнул рукой: ехать пора, к обеду обернуться бы.

Пока во дворе все были занятыми сборами, к Дуняше подошел Молот, руку показал – ни следочка от раны не осталось.

— Сойдет метка-то твоя от снадобья? – Терентий едва коснулся пальцами девичьей щеки. – помажь, глядишь и сойдёт.

Не веря своим глазам, Дуня поворачивала руку Молота, старалась рассмотреть. Много шрамов у дядьки Терентия, а свежих – ни одного.

— Вот спасибо тебе! – просияла она счастливой улыбкой и, схватив с полки заветный горшочек, побежала к амбару.

Вышедший следом Молот встретился взглядом с Алтынником.

— Куда это побегла?

— Снадобье вишь-ка, целебное у нее. Выменяла у бабки за пирожок. Небось Евсею на спину всё и изведёт.

— Дура, как есть дура, - зло сплюнул Алтынник. – Себе бы рожу сперва вымазала. Дура! – атаман повернулся к телеге: - Едем! Засветло обернуться надо!

***

Евсей постанывал, когда Дуняша дотрагивалась до его подсыхающих ран. Она закусила губу от волнения: белоголовка согнала гниль, а бабушкино снадобье и вовсе сотрет уродливые красные полосы с широкой братниной спины. - Что, нынче станут тебя учить уму-разуму, - сдерживая вскрик, сквозь сомкнутые зубы прошипел Евсей. – Задурят бабы тебе голову, застращают. Ужо погоди, вот встану от твоей заботы как есть добрый молодец – и разгоню всех свах да плакальщиц.

— Не нужно, братец, - Дуня заглянула в горшочек – снадобье она выскребла всё, до последней капельки. – Чуточек не хватило, вот здесь на плече ранка еще. Погоди-ка. – она поскребла ноготком по шершавым стенкам и, скатав крошечный комочек, растерла по багровому следу. – Ну вот, к вечеру, должно, и болеть перестанет. А там и встанешь. Добрый молодец! – девушка тихо рассмеялась. – Тебе бы самому жениться, гляди, скоро скукожишься как старый гриб, и никто не полюбит! — Эх, Дунька! – протянул мечтательно Евсей. – Не нашлась еще такова девица, чтобы меня, жеребчика горячего, объездила да охомутала! Мне царевну подавай, чтоб прошлась по улице, а люди головы сворачивали. — Да где ж тебе в деревне царевну сыскать! – залилась хохотом Дуняша. – Ой, уморил! Царевну, чай, на сеновал не затащишь!

— А я и не потащу, - тихо ответил брат. – Я её, лебедушку, на шелковые перины уложу. Гагачьего пуха подушечку под головушку подложу Да ты поверила что ли? Вот дурёха ты, Дунька! – засмеялся Евсей.

Только Дуня видела, что не весело ему. От баб и девок отбоя нету, а вот, смотри-ка, подавай ему одну единственную!

— Я дом приберу, кашки с мясом тебе принесу, а сама на луг, за травкой!

— Не прячь очи, - тихо попросил брат. – Как травку-то кличут?

Дуня закрылась рукавом – так полыхнули огнем щёки.

— Что ж ты, Дунька, честь свою не блюдёшь? Не муж, так отец пришибёт ведь.

— Нет на мне вины, - твердо ответила девушка. – Я скоренько обернусь.

Бежала она до знакомой кривой сосны что есть духу, едва увидала Чернушкины ушки, улыбнулась: — Встречаешь? Свинья качнула рылом, хрюкнула и понеслась вперед.

На этот раз изба на курьих ногах встретила ее крылечком, спустившимся до самой земли. Взбежала девушка на него, в дверь постучала. Отворила гостье ведунья, в дом впустила.

— Явилась - не запылилась, - хитро прищурилась бабка. — Ну, давай питье хворому варить, да поить его будешь!

***

Успела Дуняша вернуться до отцовского возвращения. Кинулась к кадке – а и тесто уже подошло. Поставила пироги и похлебку в печку, только присела, а уже заскрипели ворота – гости на двор пожаловали.

Высыпали с телеги бабы говорливые, зашумели, запричитывали, заохали, старый хутор оглядывая. Антип покрякивал, отшучивался, но в разговоры не лез: бабье дело мужика не касается.

— Ну, голубушка, где твоя горенка? – спросила сваха в рогатой кике с красной тесьмой, скидывая с плеч большой платок.

Дуня и словечка вставить не успела, как завалилась гостья в закуточек за печкой, пологом прикрытый. Отец и мужики в избу не зашли, осталась девушка одна посреди бабьего хоровода.

— Ты меня Марфицей, кузнецовой женой кличь. Сваха я посадская! – женщина, презрительно поджав губы, осмотрелась. – Не богат двор, не богат. И невеста без роду. Ну да не беда. Показывай сундуки!

— А у меня он один и есть, сундук-то, - громко сглотнув, ответила Дуняша. – Матушкин ещё.

— Тащи! – хохотнула сваха и подруги ее подхватили: - Тащи-тащи! Показывай!

Не хотелось Дуне чужим людям показывать, да пришлось вытащить из-под лавки матушкин сундучок.

— Говорил Антипа Степаныч, что приданого не собрала невеста, - обидно засмеялась сваха, - да кто ж знал, что его всего-то с наперсточек! Разве ж такое годится?! Ни рубашки. Ни платочка! А ведь сила Иванович – жених завидный. Дом белокаменный с подворьем, выезд в четыре лошади, два лабаза с крупою да мукою, а уж лавок и не считано! И чего он углядел-то в тебе? Не дородна, не высока, - тут Марфица хлопнула Дуняшу по животу. – Детушек родишь ли? Эх, кабы не я, сидеть тебе квашней. А ну, подруженьки, тащите мешки! Нынче такова невеста, что более никогда не сыщется. Видано ли дело: девка, да без приданого!

Такого Дуняша не видела даже на городских торжищах – парча да шелка, сарафаны да платки узорчатые, ленты да накосники жемчугом расшитые. Запестрело в глазах, закружилась голова, а сваха все болтает языком без устали. Дуняша не ногах не устояла, на лавку опустилась, и кажется ей, будто глаз недобрый щеку жжет, ту самую, что кнута отведала. Повернула голову – а одна из девиц, подруженек свахиных, зло смотрит, бровь вскинула.

Вскоре Марфица в избу Антипа позвала. Пальцы загибала, указывала, что оставит невесте, да сколько за это денег возьмет. Кивал Алтынник, оправдывался: мол, девка без матери растет. Всё хозяйство на ней, за приданное и взяться некогда. Дал свахе кошель тугой, во двор позвал, где сотоварищи его над костром похлебку в котле варили.

— Не побрезгуйте, гости дорогие отведайте охотницкой добычи – куропаточки да перепелочки! – улыбался Антип.

Вышла на крыльцо Дуняша, к бревенчатой стене прижалась спиной, грудь растирает. Тяжко дышать, будто камень давит. Вечерний прохладный ветерок лицо обдувает, думы одолевают.

— Что, сестрица, умаялась? – спросил Евсей, и Дуня чуть не подпрыгнула.

— Ты что же, оправился? Не болит? – он схватила брата за плечи. – А ну, повернись!

Евсей послушно развернулся спиной, и Дуня задрала ему рубаху до шеи, пытаясь в сумерках рассмотреть шрамы. Гладила рукой, щупала, да не находила.

— Ну, углядела чего? – смеялся брат, отходя в сторону. – Как корова языком слизала. Вот тебе и бабушкино снадобье!

Дуня не могла не засмеяться, глядя на Евсея. А тот, подтянув наборный кожаный поясок, расправил плечи и молодецкой поступью направился к женщинам. Сестра, глядя ему вслед, покачала головой: вот уж вышагивает, аки гусак перед гусынями. Так и отыщет вою царевну, и женится, и деточки пойдут, и станет Евсеюшка им песни петь да к небу подкидывать.

А она, горемычная, в чужом доме хозяйкой станет. Он у Силы Иваныча, небось, поболее отцовского хутора. С утра до вечера одни заботы! Дуняша вздохнула и пошла за пирогами в избу, раз уж гостям у костра трапезничать сподручнее. Из общей гурьбы отделился Молот и направился за девушкой. Помог, вынес угощение гостям, как служка дворовый. В мужнином доме не будет у нее ни братца, ни дядьки Терентия. Мороз пробежал по коже, до того страшно было заглядывать в будущее.

Тихонько усевшись на старую колоду, Дуня смотрела, как хмелеют мужчины и женщины от привезенного отцом пива, как громче становятся их голоса. Марфица вдруг крикнула:

— А что, Антипа Степаныч, не сыскать ли твоему бычку телочку под стать?

Алтынник повернулся к свахе, встал, поправив кушак, поманил за собой. Дуняша улыбнулась: ну вот, и точно братца оженят. А Евсей и не слышит будто, хохочет, на баб хитро поглядывает. Откинувшись спиной на стену, Дуня прикрыла глаза. Усталость смежила веки, и задремала разбойничья дочь. Сколько спала, не поняла, комары лицо заели да смеялся кто-то тихонечко за углом, вот и проснулась.

— Ох, Антипушка, соколик, - Дуня узнала задыхающийся голос свахи. – Экий ты ненасытный. Остынь ужо! Вдруг кто услышит, - гостья снова тихонько засмеялась, и девушка быстро встала с колоды, вжалась в стену. Зачем? Не ответила бы.

Заговорил отец. Он задыхался, будто бежал долго.

— Ох, сладка ты Марфа! Горяча, кобылка! А то давай вернемся?

— Перестань, - не сразу, с тягучим стоном ответила Марфица. – Скажи-ка лучше, станешь об этом годе сына женить?

— Да надо бы, - вздохнул Алтынник. – Коль прибились к этой землице, то и дом ему выстрою. И внукам моим будет где ножками потоптать. Да только где ж я ему невесту сыщу? Живём на отшибе, с деревенскими не якшаемся.

— То моя забота, - отозвалась сваха. – Знаешь ведь село недалече? Дальние Столбы?

— Как не знать!

— Живет там девица – мельника дочка. Засиделая вековуха. Всем хороша! А уж как по воду пойдет, словно лебедушка плывёт! Может и видел её? – в голосе Марфы прозвучало беспокойство. - Возле овражка за церквой изба-пятистенка, во дворе еще сруб стоит – второй дом поднимают. Так видел аль нет?

— Не, не видал. А чего ж вековуха? За душой нет ничего?

— За душой у нее, Антипушка, не токмо отцовская мельница, а и табун лошадок, да стадо коров, да лабазы, да маслобойня, да сама мастерица, каких свет не видывал. И дочка единая у родителей. Последышек. Сыновей-то, слышь-ка, одного за другим черная хворь прибрала. А девка вот осталась.

- А чего не берут, коли так?

— А она, соколик ты мой, меченая, как Дунька твоя. Да одна беда: у Евдокии Антиповны скоро с лица корочка сойдет, и белая ниточка по щеке протянется – не заметишь, а у Софьи Михайловны уж до самой смерти отметочка – пятно родимое.

Дальше Дуня слушать не стала, пробралась стороной, обошла избу, да в амбар юркнула. Глядит, а Евсея нет, улеглась на его место, да под мерный храп Молота и уснула.

***

По утренней зорьке повез Антип гостей в Дальние Столбы. Марфица напросилась муки прикупить. Особая, мол, мука в том селе. Дуня усмехнулась. Никак отцу невесту показать хочет. А Евсей и не знает, поди, загулял.

До обеда хлопотала Дуня по хозяйству, а думы ее только об одном, да об одном. Возвернулся отец, накормила она его, напоила, да и спать с устатку положила, а сама бегом к бабушке-травнице.

Бежала через луг, через Волчий ручей. Так дорожка короче к кривой сосне приведет. Только речушку перепрыгнула, а на перерез ей всадник на сером коне скачет, мерзкими словами ругается. Кудреватый рябой мужик, тот, что кнутом её огрел. Заледенели губы, сердечко заколотилось. Не уйти ей от верхового, не убежать – всё одно догонит и прибьёт! Или старосте деревенскому отдаст, а тот в царский приказ свезет. Видела Дуня, как лихим ребятушкам ноздри рвали да пальцы рубили. По всему видеть, и ей того же не миновать.

— Забью, - орал мужик, нагоняя, щелкнул кнут, чуть беглянку не задел.

Куда не кинется, везде дорогу заступает серый конь, а мужик кнутом стегает. Вот спрыгнул на землю, ближе подходить стал. Дуняша кулаки сжала, гордо подбородок вздернула.

— Ты чего добрых людей пугаешь? Пусти, мне домой надобно!

— До дому я тебя сам провожу, - осклабился мужик, - а ты мне отплатишь за обиду!

— Да какая же обида, добрый человек, - попыталась было Дуня отговориться, но совсем рядом с лицом снова щелкнул кнут.

— Что, стервь, забыла меня?! Ничего, уж я тебя научу уму-разуму! – незнакомец подходил всё ближе, развязывал кожаный пояс, мокрую от пота рубаху задирал. — Сестрица нынче заехала, видела тебя, говорит, на хуторе у Косогорово, Марфица-сваха, мол, к венцу тебя собирает. И коса русая, и лицом красива, и меточка моя на щечке! Уж теперь-то я отпробую спелой ягоды!

Дуня пятилась назад, нащупывая ногами кочки да ямки, боясь споткнуться. В холщовой суме шарила, да и нашарила! Вытянула на свет клок черной шерсти, вспомнила бабушкины слова, да и бросила за спину, не глядя.

Рябой наступал, толкнул Дуню в высокую траву, свет застил, ухмылялся зло. Вдруг конь серый заржал, да и поскакал прочь, словно волка увидал. Глядит девушка: бледнеет лицо у мужика, брови вверх поднялись, рот открылся, подхватил рукой штаны, да и назад отходить начал. Вскочила Дуня, оглянулась, а позади неё чёрный кот стоит, да не простой – выше лошади. Улыбнулась разбойничья дочь старому знакомцу, повернулась к обидчику:

— Только сунься, велю своему котейке голову тебе отгрызть!

Глава 7. Ядвига

Бабушка-ведунья смотрела хитро, но Дуня в глаза ей не глядела, сдерживала улыбку: улепётывал мужик как трусливый заяц. Черный кот проводил её к избушке, и на порог взошел уже в старом обличье, но девушка нет-нет, да и поглаживала его с благодарностью. Не обманул, выручил. Дуня тяжко вздохнула и кинула быстрый взгляд в закуток. Раненый незнакомец стал будто бледнее, не шевелился.

- Нынче отереть его надобно. Смотри, вот духмяная вода, тряпицу смочишь и всего от макушки до пяток, - проворчала хозяйка. – Не то сгниет спина, как есть сгниет!

— Всего? – Дуняша вытаращила глаза. — Как же, бабушка, срам-то какой!

Травница засмеялась.

— Ладно, твоя работа до живота, а моя от живота.

Вдвоем они с трудом приподняли большое сильное тело, и Дуня быстро отерла взваром широкую спину, сменила подушку, а потом, когда уложили не знакомца, и бабка отошла в сторону, принялась смачивать грудь. Водила рукой, чувствуя, как алеют щеки, как хочется отчего-то прильнуть ухом, послушать, бьётся ли сердце. Но и сейчас, глядя на бескровное лицо и отросшую бородку и усы, чувствовала переполняющую радость. Жив!

Сколько так сидела – не помнила, пока бабка не заворчала:

— Ить дыру протрёшь, негода! Бери ложку, пора нашего молодца поить.

Солнце поднялось высоко, пора было возвращаться, но Дуняша медлила. Расчесывала гребешком кудрявые волосы, касалась глаз, словно ждала, что распахнутся синие очи.

— Даже имени твоего не ведаю, - вздохнула она.

— На что тебе имя? – старуха толкла в ступке сухие ягоды. – Дышит, и ладно. Долго лёжнем пролежит, не услышит, не увидит тебя, горемычную. Покуда не придет его пора.

— Отчего же, бабушка, я горемычная?

— От того, девонька, что сердечко твое проснулось. Спало бы, и тебе никакой беды не было бы. А теперича болеть будет так, что захочешь вынуть его да в речку кинуть, - старуха покачала головой. – У кого не стучит ретивое, те и не горюют, не радуются, да и не живут будто. Так-то!

- Странное ты говоришь, бабушка, - Дуня взяла веник и смела в кучку сор травяной. – Сердечко мое и до сего дня стучало.

— Дуреха ты! Стучало! А ныне-то? Ныне? А? Болит? Огнем горит?

— Горит, бабушка.

— Так-то! А вот как взамуж заберут тебя, что делать станешь? Увезут тебя в город, а оттель до моей избушки пол денёчка пути. А? Слово давала. Мол, крепче камня, слово твоё. Что делать станешь? Во второй-то раз бросать парня больнее во сто крат будет. Горемычная ты и есть. Ступай, девонька, пора тебе. Ступай.

Все думала о бабкиных словах Дуняша. Думала, когда домой бежала, когда кур кормила, когда дом прибирала да пироги ставила, думала, когда день за днём, всю седьмицу, бегала по чаще за Чернушкой, и уже не страшили ее сучья да коряги, да волчьи глаза. Более всего одно пугало разбойничью дочь – неминучая разлука с тем, без кого теперь не только дышать, но и жить не могла.

Антип все чаще отлучался в город, Евсей тоже припадал днями, а если дома бывал, то ходил тихий, а иной раз возьмет чурбачок и резать по дереву начинает. Вроде и выходит зверь какой-никакой, да злится парень, оземь чурбачок кидает, ругается сам на себя. Дуня всё видела, да никак не выходило с братом словечком перемолвиться: то купленное приданое по сундукам раскладывать, то одежду на солнце жарить. Свадьба скоро, а она не поспевает в две

руки. Молот на подмогу приходил. То поднесет, то унесет, и все в глаза Дуне заглядывает, хмурится.

Да только всё одно бежала девушка через луг, через Волчий ручей, через чащобу до избушки бабушкиной. Прибежит, платок с головы стащит и ну по ясному лбу гладить дружка своего сердечного.

Вот осталось до свадьбы всего ничего, ноет сердце у Дуни, но выпросилась у отца, пустую отговорку придумала, побежала к бабке. Прибежала, кота по головушке шелковой погладила, свинку Чернушку за ухом почесала, да и села на лавку, руки опустив.

— Чего девонька пригорюнилась? – спросила старуха, а Дуня взгляда от закутка не отводит.

— Все как говорила ты, бабушка, сердце на кусочки рвется, будто терзают его голодные собаки, каждая в свою сторону тянет, мочи терпеть нет. Та и осталась бы тут, с ним, и смотрела бы с утра до ночи на лицо его, да отпаивала бы, - Дуня горестно вздохнула. – Завтра собирать меня к венцу приедут. Оплачут моё девичество, в баню отведут, а поутру и обрядят. Страшно, бабушка, как подумаю, что придется его покинуть, ажно коленочки трясутся.

— Мужа, стало быть, не боишься? А свёкра со свекровью? А ну как злые люди попадутся?

— Что мне злые люди, коли я сама злая?

И тут старуха погладила Дуняшу по голове, да и обняла по-матерински:

- И я была молода, и любила доброго молодца, совсем как ты. Только жила я далеко отселе, и звали меня Ядвигою, купеческой дочерью. Многие к моему отцу приходили замуж звать, а он все побогаче жениха выбирал. Хотел прирастить свои земли его наделами. Польский шляхтич мимо проезжал, затеял охоту в наших лесах, да и заметил меня. Предложил отцу сумму немалую, да не замуж звал - на потеху себе. Клялся, что за каждый шаг монеты к ногам бросать станет, что в жемчугах по колено ходить стану...

— А ты, что же, бабушка?

— А я, девонька, давно свое сердечко отдала хорошему человеку – гончару Иванке. Уж какие он кувшины, крынки да корчаги делал! Из дальних краев к нему ехали за товаром. Слава мастера далеко гремела. Узнал Иванко, что шляхтич на меня глаз положил, пришел ночью и позвал за собой. Давай, говорит, убежим в дальние края, где никто нас не найдёт. Собрала я в узелок, что могла, да и сиганула в окошко. Любимый меня поймал, на лошадь посадил, да и поскакали мы куда глаза глядят.

— Дальше, дальше что было?

— Сперва мужика напои, а потом спрашивай, скоро солнышко за лес спрячется.

Забегала Дуняша по избе, заторопилась, со всеми бабкиными поручениями справилась, села в изголовье волосы черные кудрявые причесывать, со стороны на сторону перекладывать.

— Так что же, зажили вы с Иванкой своим домом? Убежали?

- Пора тебе, нечего рассиживаться! Ступай!

Не стала девушка перечить, повязала округ головы платочек, поклонился, сошла с крылечка, а старухин рассказ в памяти все перебирает. Так дума за думкой и дошла до дома. Вечером подошел к не Терентий Молот, ласково руку взял, раскрыл ладошку и положил в нее старую затертую ладанку червленого серебра.

— Скоро своей семьей заживёшь, не такого жениха тебе бы надобно, да что ж поделать. Вот тебе, Дунюшка, подарочек от меня, - тихо проговорил он. – Он мне дороже любого золота да каменьев самоцветных. Береги его как зеницу ока, ни за какие посулы не отдавай!

— Благодарствую, дяденька Терентий, - сжала в кулачке подарочек Дуня. – Сберегу.

Всю ночь не спала девушка, все думала, как бы ей из города отлучаться, да к милому пробираться. Только ничего на ум не шло. Еще петухи не пропели, а Дуня уже бежала по холодной росе к избушке на курьих ножках, бабка Ядвига уже ждала ее на пороге, будто знала.

Пока Дуня хворого обмывала да отпаивала, молчала старуха, а как управилась с делом девица, так дала ей горсть сухой рябины.

— Непростая ягода. Пригодится.

Дуня сунула подарочек в рукав.

— Я, бабушка, от слова не отступаю, но и как быть не ведаю. Везут меня в город, в палаты каменные Силы Ивановича. Как мне оттуда вырваться, ума не приложу.

— Далеко не уедешь, - хмыкнула старуха. - Беги, по твою девичью красу уже сороки слетаются, - сказала и дверь избушки перед Дуниным носом закрыла.

Едва успела домой добраться, а уже разряженные гости на пороге. Песни поют, смеются, а Дуне по-волчьи выть хочется. Началась кутерьма, отвели ее в баню, обсмотрели-общупали, в семи водах вымыли. А рано поутру принялись плакать да причитывать, да Дуняшу одевать.

Евсей с бабами заигрывал, а Антип в дело не мешался, но свой подарок дочери сделал – сережки с бирюзой бесценною, каковых, говорил, и у царицы нет. Наполнился двор людьми, а Дуню в горнице держат, покрывалом красным накрыли, чтоб не сглазили.

Слышит девушка, колокольцы звенят, едет жених со товарищами, кулачки сжала, а пальцы будто ледяной водой окатили.

Покрикивает во дворе Марфица, с жениха выкуп требует. Хохочут люди, а Евсей забежал в горницу и на колени встал, покрывало с лица поднял.

— Помнишь ли уговор наш, сестрица моя ласковая? Вздумает обидеть, дай весточку, не спущу Силе слез твоих, а сам ладошку Дунину целует.

— Да ты никак плачешь, Евсеюшка? – прошептала Дуня. – Не плачь! Не в могилу кладут – замуж отдают!

— Говорят, муж тебя в село повезет, мол, в городском доме пожар случился. А у Силы Иваныча в Дальних Столбах изба большая. Вот там гулять и будем свадебку.

Дуня лицом просияла: всё верно бабушка предсказала. Застучали сапоги по порожкам, явился жених.

Часть II

Что молчишь, милая, откуда, кто ты?
На чело мне надел венок, на глазах цветы.
Нет на свете жён лучше молчаливых,
Ой, боюсь - влюблюсь. Будешь моей любимой?

Сердце мое испуганное тревожно стучало,
Вот оно! Ждала я этого, о таком мечтала.
Ох, как жаль, тятя шибко строгий,
Нелегко быть дочерью разбойника при дороге.

Глава 1. Царевна

Евсей чуть было мимо не прошел, довольно посмеиваясь, однако же услышал, как отец говорит с женщиной. Ишь ты, старый козел молодицу в угол жмёт. Но первые же расслышанные слова заставили молодого мужчину остановиться. Сваха, а это была Марфица, рассказывала Алтыннику про засиделую невесту и даже дорогу указала. Хмель ли ударил в голову, гордыня ли: не покорится он атаману, не заставят вольного сокола взять за себя квелую ворону! Не бывать тому, чтобы он, Евсей, женился на перезрелой девке, пусть хоть три у нее мельницы. Выбрав резвого жеребца, не стал седлать, одной узды хватит. Скакал и зло скрежетал зубами от горячившей кровь ярости. Он не он будет, коли не заломает березку до сговора, а потом и ославит на все село! Никто его волюшку не отнимет!

Нашел и овражек, и избу, привязал коня, да и перемахнул через частокол. Одно лишь крошечное окошечко светилось в ночи. Подивился: не боятся комарья, видать, раз ставни раскрыли. Подкрался незаметно, заглянул в оконце, да и забыл, как дышать.

Чуть склонив лицо к пяльцам, стоящим на столе меж двух толстых свечей, вышивала Сирин-птицу на белой холстине красная девица. Да и ладно бы вышивала – пела. Голос её, глубокий, грудной и текучий, как ключевая вода в жаркий день, бежал по жилам, заставлял дрожать от горячего озноба. Евсей зажмурил глаза и вновь открыл: не мог поверить, что таковая красота может на свете быть. Черные волосы в толстую косу заплетены, брови темные, словно угольком нарисованы, губы алые, что ягодки сладкие. А ресницы – что крылья бабочки трепещут, тень на щечки нежные роняют. И все-то в ней ладно скроено, и грудь высока, и шея как у лебедушки. Да не может того быть, чтобы это она засиделая вековуха и была! Но да ведь Марфица отцу баяла, мол, едина дочь у родителей осталась, Софья. В ушках серьги жемчуга скатного, сарафан из льна набивного, по всему видать она и есть.

Поёт девица тихохонько, а ноги Евсеевы того и гляди в землю врастут, так ему уходить из-под окошка не хочется. Переступил с места, ставенка стукнула, и залаял пес дворовый на непрошенного гостя. Бежал Евсей к жеребчику и улыбался, а спроси его, чему радуется, не ответил бы.

Вернулся домой, никого не слышит, никого не видит, давешняя зазноба, Марфина подружка, на грудь вешается, ласки мужицкой просит, а ему спротивело всё. Только свою черноокую царевну и видит. Нагнулся воды ковшом зачерпнуть, а в кадке она, раскрасавица, улыбается Евсею нежно. Терентий по плечу похлопал, что, мол, друже, не захворал ли? А парню уж и жизнь не мила – так хочется обратно в село да к заветному окошечку. Хоть одним глазочком посмотреть на Софьюшку. Уехали свахи, сестра к свадьбе готовится, а он ни подать, ни принести, ни утешить Дуню. С той ночи стал Евсей по вечерней зорьке ездить в Дальние Столбы. А девица словно ждет его: вышивает – свечи не жалеет, да поёт, да и как поёт, что твой соловушка заливается, в сердце сладким мёдом каждое словечко затекает. Всегда сидит одной половиной к окошку, словно и не чует чужого взгляда.

И работу приметил Евсей – вышивальщица перед ним, каких еще по свету поискать. Стежочек к стежку – и вот она Сирин-птица с головой женщины, равной по красоте коей никого в мире нет. Матушка им с Дуняшей сказки сказывала, мол зазывно пела сладкоголосая птица, и люди, что слышали то пение, разум теряли, а иные и вовсе замертво от ее голоса падали. Вот и он попался, серый вольный сокол, и не улететь теперь от мельниковой дочери, не забыть её.

Уж который вечер тихохонько стоит Евсей и любуется красой ненаглядной, а окликнуть не может – робеет, как мальчишка перед грозным отцом. Вот в один день снова учуял непрошенного гостя дворовый пёс, да только не стал добрый молодец бежать, решил на глаза девице показаться. Услыхала Софья собачий лай, голову от вышивки подняла, встала, и отшатнулся Евсей как от удара: другая сторона личика красивого залита багряным пятном родимым!

Видать, мать на сносях была да на пожар глянула. От того ведь такие пятна у деток и случаются, так бабы говорят. Побежал, Евсей, не разбирая дороги, блазнится ему голос девичий вдогонку, да только ветер это всколыхнулся холодный, студит сердце, вдохнуть мешает. Пробежал и мимо коня своего, и мимо дороги, залетел в лес, ветки руками отводит, да вдруг что-то под ноги кинулось. Смотрит Евсей – а это свинья черная, с теменью слилась, одни глазки и блестят. Хрюкнула и скрылась в чаще, а парень в себя пришел. сидит на траве, голову руками обхватил, из стороны в сторону покачивается, боль сердечную убаюкивает. Забыть увиденное хочет, а никак не может.

Глядит из чащи на него Чернушка, рыльцем из стороны в сторону поводит, а чёрный кот ей подмяукивает, головушкой покачивает. Постояли-поглядели, побежали к бабушке на доклад.

***

Жалко Терентию парня, видит, что тот сам не свой ходит, подошел, сел рядышком, по коленкам ладонями похлопал, да и говорит:

— Умная девица мужа ласкового да рукастого ищет. Языкастых да грубых – полно село. Слыхал, поди, что девушки суженым своим платочки да рушники вышивают. Вот, мол, смотри, молодец, какова я рукодельница. Ты, Евсейка, вспомни, как я тебя малого резать по дереву учил. Вырежи ей зверушку диковинную, а сам примечай: коли отфыркнется, то беги прочь, а ежели в ручки возьмет, полюбуется, да и припрячет к себе, значит, твоя.

— Сумею ли, дядька? – покачал головой Евсей. – Уж который год в руки чурбачка не брал.

— А ты возьми, - Молот со вздохом поднялся и бросил на колени собеседника липовую чурочку. – А то набери ей ягоды лесной, духмяной. Добрая девушка любому подношению обрадуется.

Евсей повертел в руках чурочку и улыбнулся, глянул на высоко стоявшее солнышко. Достал из-за голенища сапога острый ножик и принялся за работу. К вечеру в руках у сына атамана гордо вскидывал голову длинногривый конь. Ухватив из Дуниной подклети кусок вяленого мясца да пару яиц, завернул Евсей в тряпицу поделицу свою, да и помчался к Софье. Добрался до места, сунулся к окошку, а девицы за столом нет. Стоит поставец, в поставце лучина догорает. Нахмурил брови ночной гость, а что поделать? Оставил гостинчик на окошке, а сам дворового пса подзывает, яичками и мясном угощает. Ты, говорит, пёс, запомни Евсея Антипыча, да никому про меня не сказывай!

Только ушел от места, как заглянула в горенку Софья, постояла, подошла к окну, развернула тряпицу. На ладошке деревянный конь красуется. Чуть дрогнули губы алые, вскинула девица подбородок, плечом повела, черную косу смоляную на спину отбросила. По сердцу оказался ей подарочек, прижала к груди, на матушкин вопрос тихо отвечала:

— Должно птица ночная шумела, - и загасила лучину.

Подгоняет Евсей жеребчика, думает, чем бы еще лебедушку свою черноокую порадовать. Что ж с того, что лицо наполовину меченое? Будет у него женка как день и ночь! Ни у кого таковой не сыщется. И прилежна, и красива, а коли кому вздумается посмеяться, так пойдет зубы подбирать из дорожной пыли. Скакал молодец, да думал всё, как ей, Софьюшке, тяжко, поди, запертой сидеть, от людей хорониться. Скучно да грустно. Уж он ее, ласточку, повеселит, подарочков подарит, чтобы не тосковала, птаха его певчая.

На другой вечер принес ей земляничку-ягодку на травинки нанизанную – бусы луговые для девицы. А псу цепному – потрошков куриных. Миновал еще день, положил на окошко ленту шелковую, вдругорядь колечко серебряное, у отца из казны краденое.

А Софья и не страшится его более, подарки принимает, но и не привечает. Поет да вышивает, в окошко и не глядит совсем. А Евсею и то – счастье, что не пугается, не гонит прочь. Смотрит он на царевну свою и налюбоваться не может. Так и прижал бы к себе, расцеловал

бы очи ясные да к губам сахарным припал бы. Сладко ныло в груди, да как же заполучить красавицу, коли сама не пойдет?

***

Села Софья за стол, затеяла вышивать рушник. По краю красный узор, а в середочке цветок алый – как сердечко её, на ветру трепещет, клонится, да в руки не дается. И не идет у девушки из ума улыбка ясная, добрая, какой улыбается заезжий молодец. Видно, что не из богатеев, да и нужен ли ей богатый? Вон щедроты сколько – то ягодка лесная, то конь саморезный, то колечко простенькое. Не вынесла дум, встала, к зеркалу подошла. Дорогое зеркало, батюшкой издалече привезенное – вон уголок скололся. Смотрит на себя и не верит, что такую-то полюбить можно. А ну как смеется молодец над нею, честной девушкой? А ну как честь ее девичью порушить желает? Только вот никто, окромя отца с матушкой, подарков ей не дарил, песен ее не слушал, и в окно не глядел до самой до полуночи. Никто. Злые люди на нее пальцами указывают, в церкви косятся да шипят за спиной, мол, кому нужна таковая страшилища.

Услыхала торопливый шаг, подбежала к столу да села за вышивку, а ниточка в иголочку не вдевается – дрожат пальцы и сердце колотится.

***

— Спой, птичка моя, - зашептал Евсей, а сам лбом в переплет оконный уткнулся, - Спой, Софьюшка! Когда ты поешь, любая беда дымом рассыпается. Смотри – ради тебя срезал прут-ок, дудку смастерил. Наиграю тебе, а ты спой!

Приложил Евсей к губам дудочку. Заплакала дудочка горестно, а за нею голос девичий увязался. Ладно выводят, словно дышат.

*** - Слыхал ли, отец? – Софьина мать с лавки поднялась. — Сладилось у них аль нет?

— Как не слышать, - потянулся мельник. – Уж какую ночь почитай столбом под ее окном дожидается. А наша-то поутру словно солнышко сияет.

— Так что же? Выспросить у нее, пойдет ли?

— А и выспроси, мать. Девке уже своих нянчить детушек, а она все за твоей юбкой от женихов прячется. Нам лишь бы жених ей по сердцу, а уж коли работящий и Софью обижать не станет, так я и награжу. Да и чем не жених – вон сколько ягод ей перетаскал, впору на базар везти.

Рассмеялись отец с матерью, да и спать легли. А Софья все пела и пела, вот только и перестала, как цепной пес подвывать дудке начал.

Глава 2. Мужнина жена

Распекало солнышко, жаркий выдался день. Дуняша словно и сама не своя: смотрит как шумят и подвывают нанятые отцом подружки, как оплакивают девическую жизнь, как отец приосанился – купцом уже себя видит. Забежал братушка в горницу, на коленки встал, отвел плат с лица, тронула Дуняша родное лицо.

— Помнишь ли уговор наш, сестрица моя ласковая? Вздумает обидеть, дай весточку, не спущу Силе слез твоих, — а сам ладошку Дунину целует.

Рассказал Евсеюшка, что погорел каменный дом в городе у Силы, а потому жить покудова станут молодые в Дальних Столбах, совсем недалече. А у нее, Дуняши, лишь о синеоком молодце думы. Ежели не повезет ее муж в город, а повезет в село, где у него большой дом, то она уж извернётся, а к Ядвиге в избушку сбежать сумеет. Застучали сапоги – жених со товарищи за невестой пришли. Слышит девушка, как Сила зычным голосом выспрашивает, а вокруг смеются все, подзадоривают купца выкупить невесту, да невестину обувку, да невестин гребешок. Мерзнут руки у Дуняши, трёт она пальцы, дышит на них, а отогреть не может, даром что жар донимает. Купленные подружки пофыркивают да посмеиваются над непутевой. Как, мол, родовитый видный купец этакую неумеху в жены берет.

Да и чего отпираться: не ведает Евдокия Антиповна, как быть купцовой женой, как богатый дом вести, как мужа почитать. Всего-то и помнит, как матушка за отцом была, а таково ли у всех житьё?

Кричат гости все громче, все ближе, уж в горницу ломятся, мёрзнут пальцы сильнее, до боли, в глазах мутнеет, во рту сушит. Страшно Дуняше. Распахнулась дверь и ворвался в горницу Сила Иванович. Богатый кафтан на нем, шелковым кушаком подпоясанный. Улыбается жених по-доброму. Кланяется, руку подает.

Вложила в его ладонь пальцы, слышит, а он ей на ухо шепчет:

— Замерзла, голубушка? Ничего, отогрею тебя, милая! – и теснее прижался.

Вспомнила Дуня, как сжимал он ее тогда, возле избы, и тошно стало. Да куда теперь деваться, коли решено всё. Вышла невеста за женихом на крыльцо, сощурилась от яркого солнышка, ждала, пока отец благословит.

Во дворе колымага – повозка крытая, разве что не царская – бархатом внутри оббита, снаружи красной краской узорчато расписана. Диво дивное, да только глянула Дуняша на этакое-то богатство, и даже не удивилась, подала руку Силе Ивановичу, да внутри на скамеечку и села, глаза опустив. Марфица все проверяет, узлы на двух шелковых поясах проверяет – как бы не сглазили невесту! Вот тронулись, и защемило сердечко девичье, заныло оно, заплакало: нет назад дороги. Не бегать ей больше по ягоду, не петь песни звонкие, не скакать вольно с братом взапуски. Не плавать в озере. Кончилось девичество. Но и разбойничья жизнь кончилась. Не станут ее больше неволить, не станут при ней ножом колоть проезжих да прохожих. Не принудят более кровь отстирывать с богатых одежд да сапог. И того довольно, чтобы радостной быть.

Глянула Дуняша на жениха, да и задумалась. Из огня во полымя прыгает она. Из огня да в полымя

***

Старуха устало сложила натруженные руки на коленях. Дорогую цену заплатила она за синеглазого молодца, да дело того стоило: нельзя после себя плохую память оставлять. Воронишко каркнул, предупреждая хозяйку, и Ядвига услышала легкие шаги. Дочь вошла в избушку и свежий дух скошенной травы с собою принесла.

— Вот и Младушка наша явилась, гостенёчек дорогой! А ты все глаз не открываешь, красы ее не увидишь, - старуха улыбнулась своим мыслям, - Да и твоё счастье, что не видишь.

— Матушка, - молодая баба смотрела на Ядвигу полными любви и жалости глазами. – Опять ты ночь напролет над ним сидела? Иссохла вся! Сними заговор с баньки, затоплю для тебя. Да вот тебе и пирогов принесла, и кашки, и ягод целый туесок.

— Ладушка ты моя, доченька, - старуха утерла набежавшую слезу. – Вот помру, одна останешься! Пропадет твоя краса!

Млада присела рядом с матерью на лавку и погладила ведунью по голове:

— Сколь отмерено, столь и проживешь, нечего в домину укладываться, покуда ноги ходят да глаза видят! А что одна, да зато честна! Вон они все, что ни ночь – в окно стучатся: впусти, Младушка, горько тебе вдовицей жить, пожалей мужицкого горя.

— Не впускаешь?

— Не впускаю, матушка!

— Рано, рано овдовела ты, доченька, моя вина. Я не доглядела за Степаном твоим, я не помогла.

— Как сталось так сталось. Чего уж, - Млада поднялась со вздохом. – Всего-то и счастья мне после свадьбы семь денечков да восемь ночек. Да такого как Степан пойди поищи. Этаких богатырей земля нынче не рожает.

— А я вот сыскала, - улыбнулась старуха. – Богатырь и сердце доброе.

Млада рассмеялась:

— Ой, да никак Чернушка медведя привела? Или сохатого? Не моего поля ягоды.

— Твоего-твоего, дай срок! – Ядвига выбрала из горки пирогов один и откусила румяный печеный бочок. – Дай срок!

- Отстань мне сказки сказывать, матушка. Давно я в них не верю, - дочь ведуньи подошла к закутку. – Так и лежит, болезный. А ну как помрёт, что делать станешь?

— Не помрёт! Есть у него заступа.

— Девчонка эта? Так ты ж говорила, что замуж выходит. Не отпустит ее муж, вот увидишь! Не отпустит!

— Поглядим, - Ядвига прожевала кусочек пирога. - Махонький пока росточек она, слабенький, а вот как в силу войдет – всем покажет, какова разбойничья дочь!

- Ох, матушка, заварила ты кашу, расхлебаешь ли?

***

Народу в церковь набилось так много, что Дуняша уже и различать лица перестала: перед глазами встала пелена. Тяжелый покров давил на плечи. Венчание было похоже на сон, от которого Дуняша очнулась, лишь когда свечной воск капнул на пальцы. Сила Иванович поглядывал на молодую жену без укоризны, даже ласково, не пугал, и Дуня без опаски подала ему руку. Вышли они из сельской церкви и принялись их славить, да детишек желать, да богатства, да радости.

Сила нагнулся к жене:

- Бабы мои уже в дому все собрали, ты, красота моя ненаглядная, не печалься! А как в городе терем вычистят от золы, так там царицей жить станешь. Дай только срок!

Дуняша улыбнулась приветливо. Не желала она царицей быть, хотела бы смотреть всю жизнь в очи синие, гулять по лугам да полям, вольно дышать.

Сели молодые в колымагу свадебную. Сила Иваныч глаз с жены не спускает, по руке гладит, ласковые слова говорит. Потеплело на сердце у Дуняши: болтали подружки невестины, что бывает мужья злые, добра от них не жди. А вон он сидит рядышком. На ухабах жмется, придерживает, глаз не прячет.

Вот скоро доехали и до дома, вышли из колымаги, а перед ними женщины нарядные. Хлеб да соль держат. Глаза у всех злые, только Дуняше всё одно. Поклонилась в пояс на три стороны. Всё как учили, сделала. Антип вперед выскочил подал зятю плётку узорчатую, дорогую:

— Как я учил, так и ты учи, Сила Иванович!

Купец плетку взял щелкнул в воздухе, поклонился за подарочек. Задрожала Дуня, вспомнив отцовскую науку, а Сила ее за ладошку взял.

— На стеночку повешу, тестюшка, как скучно станет, о тебе вспоминать станем с любезной моею Евдокией Антиповной, - ухмыльнулся купец, а Антип скривился недовольно.

Забежал в купеческий дом Евсей, исстегал той плеткой лавку, на которую молодых сажать станут. Издавна так сглаз от невест отгоняли.

Следом за молодыми гости в горницу потянулись, сели за большой стол. Начались здравицы да величальные, только Дуня чует, как родня Силы на нее смотрит. Не поднимает головы молодая жена, не ест, не пьёт. Примечает, как дядька Молот купца потчует хмельным мёдом да пивом крепким. Краснеет лицом Сила Иванович, говорит громко, поет крикливо, кулаком по столу стучит.

Подсела к Дуняше сваха Марфица. Щеки у бабы красные, дух от нее противный, в ухо нашёптывает да посмеивается:

- Ты с мужем поласковее будь. Глянь, как золовки змеиные-головки на тебя очи свои злючие таращат. По заре придут проверять честь твою девичью. Ты, девка, на судьбу надейся, да и сама дурой не будь – порежь пальчик да о простынку вытри.

— Зачем? – удивилась Дуняша.

— От и правда – дура дурой! Слушай меня! Заради Антипки токмо и стараюсь! Знает мужик, как бабу уважить, - сваха сладко вздохнула. - Ножик возьми и сделай, как я говорю! Иль не озорничала с парнями на сеновале? Не любилася?

— Нет, - замотала головой Дуня, - не озорничала.

Икнула Марфа, ласковее шепчет в самое ухо.

— Что ж ты не открылась мне, голубонька? Эх, как бы не пришлось тебе в первую свою медовую ноченьку горючими слезами заливаться. Да погоди, я не я буду, коли не дам тебе сладко поспать. Про ножик не забудь. Так уж повелось, коли на простынке кровь, стало быть, и девка не грешна, - Марфица разогнулась, одернула парчовый сарафан пониже и перехватила у Терентия кувшин с медовухой.

Гуляет свадьба шумит, не дает роздыху Дуняше. Думает она о слове, что Ядвиге дала. Как до заката успеть до избушки? Не оправится молодец синеокий, коли она клятву свою не сдержит. Так и уйдет в сырую землю.

— Чего вздыхаешь, сестрица родимая, чего грустишь? – улыбается ей Евсей. – Смотри, какова у тебя теперь жизнь – и муж богат, и дом богат, и никакая беда тебя более не коснется, - опустил вдруг глаза братец. – И души губить людские не станешь более. Чем не счастье, Дунюшка?

— Не ты ли сам грустишь, братец родненький? Что за беда? Видела не раз, как ввечеру едешь в село. Не там ли грусть твоя живёт?

— Не скроешь от тебя, - усмехнулся Евсей. – Дуня, помнишь ли, чем мне спину мазала? Достань снадобье!

— Неужто раны твои вскрылись?

— Не мне нужно, девице одной, - Евсей рванул ворот рубахи, словно дышать стало тяжко. – Красотой бог ее не обделил. Да и проказой наградил. Пятно у нее на щеке, страшное, багряное. Жалко ее, вот бы полечить снадобьем, глядишь – и сойдёт, а?

Заклокотало сердечко в горле, Подняла Дуняша лицо, взяла братца за руку:

- Свези меня, Евсеюшка, соколик, в лес, в бабушки той избушку, что снадобье мне и дала. Побуду там чуточек и вынесу тебе снадобье, - ловила взгляд братнин, боялась отказа Дуня.

— Ночью сподручнее.

— Не пустит бабушка ночью, до заката надобно успеть. Только, чтоб никто и не приметил, что нет меня. Пчелкой обернусь, Евсеюшка!

— Ой, Дунька, чую, задумал ты недоброе!

— Доброе, доброе, братец!

— Ну, смотри! – Евсей глянул на хмельного Силу. – Отпросись на роздых. Мол, душно тебе. А я жеребчика подведу к окошку. Кивнула Дуня, дождалась, как брат на двор выйдет, застонала громко. Да не слышит никто. Встала, да и обмякла на руки спохватившегося мужа. Закачался Сила, чуть не выронил ношу. Закричали гости хмельные, зашумели, дядька Молот перехватил молодую, да и понёс в другую светелку.

Глава 3. Неволя

Шумит свадьба, высыпали гости во двор, то песни заведут, а Дуняша сидит на большом сундуке и ждет, когда брат знак подаст. За дверью Терентий молот горой стоит, никого к молодой не пускает. Мужикам пару дал затычин, баб пуганул грозным взглядом, и того девушке достаточно, что не упрекнул, головой покачал только:

- Гляди Дуняша, вертайся до того, как солнышко леса коснется, не то позора не оберемся.

— Вернусь, дяденька Молот, вернусь! Спаси тебя бог! Кабы не ты

Но Терентий дослушивать не стал, вышел и спиной к двери привалился. Стукнул громко, мол, сторожу, не бойся. Сглотнула Дуняша слезы, сжала холодные пальцы в кулаки. И боязно ей, и мужа не хочет обидеть, но и слово свое сдержать надобно.

Засвистал соловушкой под оконцем брат, а Дуня и готова уже: скинула тяжелый сарафан да покров, надела на себя старую юбку, что в сундуке старом отыскала. Платочек на голову повязала, косу спрятала. Полезла в окно и в руки Евсея и попала, усадил он сестрицу оперед себя и пустил жеребчика рысью скорой.

— Держись Дунька! – крикнул брат, едва выехали они за околицу. - Эх, пропадай головушка моя раскудрявая!

Быстро домчали они до избушки ведуньиной. Подивился Евсей, на куриные замшелые ноги глядючи, нахмурился, удержал сестрицу за руку:

— Не боишься сгинуть с этакой-то знакомицей? Опоит тебя, нашепчет дурного, зла натворит.

- Не натворит, Евсеюшка, не страшись! – отвечает ему Дуня.

Тут на крыльцо сама Ядвига вышла, смотрит на Евсея – не моргает.

- Здравствуй, бабушка! – говорит ей разбойничий сын.

- И ты не хворай, Евсей Антипович, - ответствовала ведунья. – Сказывай, чего тебе надобно?

— Вот, сестрицу привез, - заговорил молодец, да голову опустил, подумал чуточек и прямо в очи Ядвигины взглянул.

— А можешь ли, бабушка, своего снадобья дать? Не мне, девице одной.

— Ишь, какой скорый! Это какое же снадобье тебе понадобилось, соколик? – усмехнулась ведунья.

— Прости его, матушка Ядвига! - выступила перед братом Дуняша. – Не таков он, чтобы о себе печься. Раз просит, стало быть, нужда в том большая.

Евсей сестрицу за плачи обнял, да и сам вперед вышел:

- Есть в селе Дальние Столбы мельник, у того мельника дочь – засиделая девица

— Ведаю я, соколик, и про мельника, и про дочь, и про то, отчего для неё ты снадобье просишь. Вот только примет ли черноокая краса-девица таковое-то подношение? Ты, Евдокия, ступай, дело свое делай обещанное, а мы покуда потолкуем с твоим братцем, - старуха подошла ближе к Евсею. – Избавления ли ей надобно от отметины своей али другого чего?

— Чего же, бабушка? Неужто сладко ей в девках сидеть и насмешки сносить?

— А коли не сойдет багряная метка, что же, свататься не пойдёшь? Брезгуешь этакую страхолюдину лаской одаривать? – шепчет Ядвига, а сама в глаза Евсею смотрит. Того и гляди душу из парня вытянет. — Люба она мне, бабушка, пуще ясного дня, пуще темной ночи, пуще света белого. Ни спать не могу, ни есть не могу, лишь бы рядом с нею быть.

— А не за красу ли ее полюбил? Не за личико ли белое? Покуда не повернулась она к тебе, а?

— Не стану отпираться – за красу, - вздохнул Евсей. – Да только с лица воды не пить. Вся она мне люба. Вся до единой волосиночки, бабушка. Пусть и не мил я ей – уйду, неволить не стану, лишь бы лебёдушке покойно было, да горя не знала, царевна моя.

— Царе-е-евна - протянула старуха. - Эка!

Покачала головой Ядвига, усмехнулась, протянула руку, а в ладони сухонькой заветный горшочек махонький.

— Держи, Евсей Антипыч, только сразу не отдавай. Приручи, царевну свою, подарочки носи. Девки они до подарков падки. А на новую луну и отдашь. Оно, слышь-ка, снадобье-то, на новую луну в самую силу войдет, - закряхтела бабка, к избушке повернулась. – Стой теперича, сестрицу дожидай! А потом мчи, молодец, во весь опор мчи, не то быть Дуне битой! Ишь! – Ядвига затряслась от тихого смеха. - Царевна-а-а

- Благодарствую, бабушка! – крикнул ей вслед Евсей, да ведунья только рукой махнула.

***

Обтерла Дуняша травяным настоем молодца синеокого, напоила узваром целебным, а уйти от него никак не может.

— Ступай, Евдокия, солнышко того и гляди за лес закатится! – покачала головой бабка. – Рябинку-то, что я с собой дала, взяла в мужнин дом?

— Взяла, бабушка, - кивнула Дуняша.

— Ты ягодиночку одну возьми, да под подушку мужу и положи.

— Для чего?

— А увидишь, увидишь, девонька. Ступай! Пора!

Несет конь резвый брата с сестрой в село, впору Дуне думать, как отговориться, коли заметят, а она всё про хворого молодца думает. Говорила бабушка, что семь денечков еще нужно его отпаивать, а потом уж три ночи отстоять – от нечистой силы отбить.

Доехали быстро, влезла Дуняша в оконце, слышит, а в дверь кулаками колотят. Быстро прикрыла ставенки, на кровать легла, глаза закрыла. Бабы кричат, мужики ругаются, а дядька Молот их не допускает. Но вот одолели бывалого кузнеца, распахнулась дверь, ввалились в тесную светелку хмельные гости, сорвали золовки с Дуни пуховую перинку. Поднялась молодая жена, руками закрывается, стыдится чужих людей.

Сила вперед выступил, обнял испуганную девушку, велел всем вон идти. А гости орать начали, мол, запрем молодых, самое время!

Усмехнулся Сила Иванович, прижал Дуняшу к себе, да и отвечает:

- Ну ж нет, гостевичи дорогие! Я еще с тестюшкой отвальную не пил! - крякнул купец и поцеловал жену в лоб. - Ты, Евдокия Антиповна, никого не бойся! Любого раздавлю, кто на тебя без дозволения глянет, а уж ежели тронет - головы ему не сносить. Ежели хвороба прихватила, так и лежи, меня дожидайся. Уж я тебе нынче спать не дам, красавица ты моя ненаглядная!

Дошел Сила до дверей, а там Молот дверь плечом подпирает, кровавую слюну утирает, на Дуняшу хмуро глядит. Говорит ему купец:

— Ты, Терентий, службу свою оставь, теперь Евдокия мужнина жена, мне ее отныне сторожить! Пойдем, дружка, выпьем за здоровье моей любушки!

Кивает Терентий сам очей с Дуни не сводит, а та ему улыбается, кивает и одними губами шепчет:

— Ступай, дядька Молот, я не пропаду!

Только хотела девушка дверь прикрыть, как заступила ножкой старшая золовка. Кулаки в бока упёрла, не говорит – шипит:

— Брата обдурила, а меня не сумеешь, Евдокия! В шесть глаза смотреть за тобой станем. Вызнаем, что задумала! Силушка наследника желает, да не чужого – своего. Уж ежели не ува-

жишь братца моего, со свету сживу. Одну уже в землицу под белы рученьки свели, умаялись, а ты и сама сдохнешь!

— Что же вы меня злым словом привечаете? Разве ж я обиду кому нанесла?

— Антип тебя запродал Силе, чтобы в купцы выбиться, а у мужика глаз ум застит, позарился на тебя. Не было, не было, да и явилась! Окрутила Силушку! А того не спросил он, как ты росла без матери среди батраков отцовских, чему учена, за что бита. А?

— Батюшка в строгости меня растил, - отвечает Дуняша. – И мужа почитать стану, как полагается.

— Как полагается? А кто от свадебного стола да на пуховые перины, а? Не ты? Не тобою установлено, не тебе установленное рушить. Ишь, выискалась на нашу голову! Барыня! Евдокия свет Антиповна! Смотри! В дому работы невпроворот, разлеживаться некогда!

— Не привыкла я разлеживаться, - подняла Дуня голову и в глаза золовке посмотрела. – Не боюсь я работы.

— А ну! – золовка дернула больно за косу. – Зенки опусти, бесстыжая! Не с подружкой веселишься! Я старшая сестра Силе, не приживалка какая. Собрали свадьбу, нас не спросили, в ноги нам не кланялась, подарочков не носила, по батюшке не величала, проныра! Погоди, погоди! Я тебя на чистую воду выведу, дай только срок. А ныне сиди ниже травы, тише воды! Смотри мне!

Ушла золовка и зверью прихлопнула.

Села Дуняша на лавку, в окошко с тоской глянула – закрыты ставенки, захлопнулась клеточка, темно, кончилась воля. Одна радость – муж покуда слова злого не сказал. А ей и того довольно будет, да чтобы восстал-поднялся молодец синеокий, чтобы улыбался солнышку, чтобы силой налился. Сел верхом на резвого коня и ускакал подальше, чтобы глаза не видали его больше, чтобы не болело сердечко.

Вот уж время за полночь, гогочут гости, толкают жениха к спальне, а золовки уперёд всех в светёлку забежали, расплели Дуняше косу, постель выстлали шелковым покрывальцем. Зло на девушку поглядывают, фыркают, да посмеиваются. Рубаху сняли, повертели голую невестку, руки подняли, груди щупали, по животу хлопали, слова нужные нашептывали, чтобы понесла с первой ночки. Обрядили в вышитую сорочку, да и за дверь, мужиков подзадоривать. Вспомнила Дуняша про сухую рябинку, отыскала заветную горсточку, одну ягодку в кулачок зажала. Стоит, ждёт мужа. Поджилочки трясутся, зуб на зуб не попадает, мороз по спине продирает – что-то сейчас станется с нею? Некому по голове погладить и утешить, некому девушку успокоить.

Скрипнула дверь: переступил через порог Сила Иванович, знатный купец. Подбадривают его дружки, подсказывают, как с молодой женой обойтись.

Хмелен Сила, на ногах еле стоит, ухмыляется довольно. - Сымай мужу сапоги, Евдокия! - приказал и на лавку бухнулся, ногу протягивает.

Ухватилась Дуняша за голенище, уперся муж ей в живот, насилу первый сапог стянула, а уж вторым в лицо тычут.

— Подь ко мне, Дунюшка, - позвал муж и руку протянул.

Отставила Дуняша сапоги мужнины рядочком, один к одному, глаза опустила, подошла, как просили.

— Экая ты ладная вся да сладкая, - шарят мужнины руки по телу, щупают, поглаживают там, где никто и никогда тронуть не смел. - Уж как я тебя, голубушку, в шелка и бархат обряжу, смаргдами да скатным жемчугом увешаю, будешь краше боярыни любой! Только уж и ты люби меня, Дунюшка. Пойдем в постелю, уважь мужа в первую ночку! Встал Сила Иванович, начал кушак шелковый развязывать, а Дуня и помогает. Марфица так учила, мол, мужа раздевать да разувать надобно. Остался муж в одном исподнем, страшно на него глаза поднять, стыдно.

Ухватил сила жену за подбородок, приподнял лицо, поцеловал в уста алые.

— Сладка, ягодка, ай сладка - взял за руку и к постели повел, а сам шатается, того и гляди упадёт.

Ткнулась Дуняша коленками в перины сунула под подушку ягодку рябиновую, а муж уже и вперед толкает, шепчет в ухо горячо:

— Ох натешемся мы нынче, красота ты моя! Приляг, приляг, Дунюшка!

Забралась девушка на постель, ноги поджала, а Сила взгромоздился на свою половину, голову на подушку уложил, руки тянет, трогает коленки Дунины.

— Покажись, красотой своей порадуй, Дунюшка! Скидов**а**й рубашечку! Хочу всю тебя увидать, голубушку мою. Да не бойся, скидовай! Ты теперича моя!

Задрожали руки, да куда теперь деваться. Подцепила Дуня подол, потянула медленно, стянула с головы сорочку, а н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.